

ОСТРОВ

ВЯЧЕСЛАВ ДЕНИСОВ

СЛОМАННОЕ ВРЕМЯ

ОНИ ЖДУТ СПАСЕНИЯ
С МИНУТЫ НА МИНУТУ.

С МИНУТЫ НА МИНУТУ ОНИ
ПОГРУЖАЮТСЯ В НОВЫЙ КОШМАР...

Остров. Остаться людьми

Вячеслав Денисов

Сломанное время

«ЭКСМО»

2009

Денисов В. Ю.

Сломанное время / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2009 — (Остров. Остаться людьми)

Сколько дней прошло с тех пор, как пассажиры морского лайнера «Кассандра» оказались на острове близ Бермудского архипелага? Две недели? Три? Никто из них уже не способен ответить на этот вопрос точно – ночь здесь может длиться не более пары часов, а день закончиться сразу после восхода солнца... Но не только время на этом клочке суши имеет зыбкую структуру. Обнаруженный в джунглях гигантский авианосец, казавшийся людям надежным укрытием от таинственных зловещих тварей, внезапно подвергается нападению хорошо вооруженной группы; кто эти боевики и как они проникли на корабль – неизвестно. Атаку удалось отбить, однако вскоре пассажиры обнаруживают в трюме торпеду с активированным механизмом самоуничтожения. До взрыва, который превратит эту часть джунглей в огромный котлован, остаются считанные минуты...

© Денисов В. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вячеслав Денисов

Сломанное время

ГЛАВА 1

Осмотр авианосца не принес никаких результатов. Каждая каюта, каждая выемка в бортах, трюм, рубка – все было ошупано. И теперь все знавший о кораблях Макаров был почти уверен, что трое, побывав на борту судна, не оставили никаких следов в помещениях. Это было странно, и из этих обстоятельств вытекало два вывода. Либо они не успели сделать то, что планировали, либо проникали на судно с единственной целью – вырезать как можно больше народа.

– Здесь тысячи квадратных метров территории, – сказал уже ближе к вечеру Макаров. – Осмотреть все просто невозможно. Напрасно я втянул тебя в эту авантюру. Они могли изменить что-то в недоступном для глаз месте, например, вмонтировать видеоглазок под потолком. При таком освещении разглядеть его нереально. Но зато он будет исправно передавать информацию.

– Куда? – усевшись на шасси одного из «Эвенджеров», Гоша закрыл глаза. – Куда передавать?

– Хороший вопрос. Думаю, на него ответил бы Артур.

Макаров мучился еще одной мыслью. Те двое, что напали на него, убивали *Макарова* или просто им под руку попался человек, который своим походом в галльюн мог спутать какие-то планы? Ведь не убили же его, когда он был в их власти...

Весь вечер после похорон троих неизвестных, тащить которых и закапывать пришлось за милю от авианосца, Макаров разговаривал с Гошей. Левша был недостаточно силен, чтобы встать с койки. Лечение Нидо вернуло его к жизни, но еще не просветлило сознание. Гоша же выглядел человеком, у которого в голове полный порядок, и он был полон сил. Несколько часов Макаров думал, говорить ли ему о странном разговоре в ангаре с бассейном, но потом все-таки рассказал.

Они не одни на Острове. Здесь есть еще люди. И эти люди Островом управляют. Это значит, что с самого начала им было известно, что семь дней назад на Остров были высажены два с лишним десятка людей. И уже не было никаких сомнений – глупо утверждать обратное, – что «Кассандра» и управляющие этим Островом люди – единое целое в чем-то злонамеренном умысле.

– Он говорил о моей жене, – сказал Макаров Гоше. – Он знает о моем прошлом если не все, то ту часть его, что связана с женой. И несмотря на то, что говорилось о многом и вразной, эта тема, я почувствовал, была главной.

– О чем еще он говорил?

– О том, что Адриано был убит, чтобы разъединить связку с Франческо. Эта связка показала ему опасной.

– Опасной для чего?

Макаров покусал губу.

– Я думаю, для реализации плана.

– Плана? – Гоша хмыкнул. – И что это за план?

– Какого черта ты задаешь мне эти вопросы? Пока мы знаем следующее: Остров под чьим-то контролем, под контролем и мы – это первое. Второе: нас, несомненно, для чего-то используют. Третье: меня они убивать не стали, потому что...

– Им нужен на этом Острове лидер, управляющий стадом. Воздействуя на лидера, воздействуешь на весь коллектив.

Макаров удивленно поднял взгляд:

– Откуда такие глубокие познания в конфликтологии?

– Я был в зоне, дружище, – Гоша рассмеялся. Впрочем, смех его был похож на очередное хмыканье. – Точно так же администрация лагеря управляет эками. Лучше поддерживать одного авторитетного, давая ему поблажки, чем контролировать стадо. При минимуме затрат максимум отдачи. Вот и тебя спасли в лесу от тварей, приволокли, растолковали и отпустили.

Вечер на палубе был удивительно тих. Размером с два футбольных поля, взлетная палуба пустовала, измотанные невзгодами люди с наступлением темноты уходили в каюты. А эти двое сидели у самого леера и наслаждались закатом. На этот раз солнце садилось на севере. Макаров готов был поклясться, что там – север. А океан в отсутствие света превратился в серое одеяло.

– Они не торопились открывать карты, – сказал Гоша. – Быть может, они потянули бы время еще или не открывали вовсе, но твое любопытство эти карты спутало. Либо ты являлся частью плана изначально, и поэтому они были вынуждены вмешиваться в ход истории, чтобы тебя спасти. Но второй раз, накачав глюкозой и физраствором, оставлять в лесу не стали. Вероятно, был риск, что твари дождутся их ухода... Знаешь, что сказал мне Франческо после того, как прочитал молитву над могилами троих гостей? Он вздохнул и, проходя мимо, посмотрел мне в лицо, выдавив: «Они и суток здесь не пролежат».

Потянуло холодком. Макаров мог бы сказать, что такой резко континентальный климат не свойствен Карибскому бассейну, что на Бермудах как западной части Атлантики не наступает резкая прохлада, и что, скорее всего, погода эта очень похожа на ту, что стоит южнее, у Фолклендских островов, например. Но стоило ли сообщать об этом Гоше, когда все на эту тему было уже сказано?

– Самолеты.

– Что? – встрепнулся Макаров.

– Мы не осматривали нижнюю палубу, где стоят «Эвенджеры».

С первого же дня Макаров выставил у торпедоносцев пост, люди дежурили сначала по одному, а после – по двое. Внутрь запускали только Макарова и тех, кто прибывал с ним. Правило это работало безукоризненно, поэтому Макаров в сомнении посмотрел на Гошу.

– Чтобы чужаки смогли оказаться рядом с «Эвенджерами», им пришлось бы убить обоих постовых.

– Они могли усыпить их.

– Но Патрисия и Гламур не спали, когда случился переполох, – заметил Макаров. – Я видел обоих, и они мало напоминали спящих.

Гоша почесал пальцем нос и направился к найденной на авианосце стеклянной бутылки, которая теперь играла роль автомата по бесплатной раздаче питьевой воды. Воду ежедневно приносили островитяне, отправляясь к водопаду по трое. Наклонив бутылку, он заполнил обренок пластиковой бутылки – стакан – и медленно, со вкусом, выпил.

– Гламур постоянно под героином. Где он берет наркотик, никто не знает! – Гоша расхохотался. – Даже Дженни, которая дважды заставляла его опорожнять пакеты! В любой момент чудак может встать и куда-нибудь пойти. Два раза я замечал его не на посту, а на корме. Свесившись вниз, он наблюдал за волнами.

– За какими волнами? – не понял находящийся вне этой темы Макаров.

– За зелеными! – вскричал Гоша. – Макаров, ау! Ты слышишь, что я говорю?

– Да, слышу... Гламур – наркоман...

Гоша придвинулся к Макарову.

– Да не об этом я, старина! Я говорю о том, что мы видели неизвестных где угодно, но только не в ангаре с «Эвенджерами». Не странно ли это?

Долгим, внимательным взглядом Макаров посмотрел на приятеля.

– Ты же военный! – давил Гоша. – Что делают корабли в море, когда пытаются запутать флот неприятеля?

– Совершают ложные маневры.

– Вот и здесь! Тем, кто в нас стрелял, не составляло никакого труда прирезать старую астматичку Патрисию и просто напугать Гламура, сделав ему козу! Под шмалью он убежал бы и спрыгнул рыбкой с борта! Но они упрямо шумели в главном коридоре под верхней палубой. Причем шуметь стали, когда ты их обнаружил! Зачем? Вспомни, как Патрисию перевела надпись на черепках, – продолжал надоедать Гоша. – Она солгала. Можно англичанину ошибиться, переводя русский деепричастный оборот, но ошибиться в переводе письма ита, если ты знаешь язык ита, просто невозможно!

– Нам нужно спуститься на нижнюю палубу к самолетам.

– Слава богу! Капитана озарило! Теперь я понимаю, почему капитаны последними покидают корабль.

– Почему? – искренне удивился Макаров.

– Потому что они на корабле единственные, кто не понимает, что он идет ко дну.

Макаров без злобы сунул Гоше кулаком под ребра, и они поднялись.

После свежего воздуха навязчиво потянуло запахом раскаленного железа и ссохшимся машинным маслом. У входа в ангар, под лестницей, сидел задумчиво жующий соломину Гламур. Напуская на лицо маску снисходительного юмориста, Макаров бросил:

– Та же смена. А где вторая половина караула? – Его хриловатый голос заставил Гламура ожить.

– Патрисию? Она ушла за водой.

– Очень хорошо, – согласился с таким положением дел Макаров, который наложил запрет на отлучки с этого поста.

– А когда она ушла? – спросил Гоша.

– Пять минут назад. Может, пятнадцать, – равнодушно ответил Гламур. – Время здесь течет непонятно.

Макаров вошел в дверь, за ним пробрался в узкую дверь Гоша. Заходя, он вспоминал, как выносил на плечах через этот узкий проем Донована. Мелькнула мысль, что попроси его сейчас повторить этот трюк – вряд ли удастся. Как мало нужно, чтобы аккумулировать возможности человека до совершенства – достаточно всего лишь упавшей на металлический пол авиабомбы весом в тысячу килограммов...

Они заходили на нижнюю палубу уже в двадцатый, наверное, раз. И каждый раз Макарову казалось, что в этих самолетах присутствует что-то, что они не увидели за прошлые осмотры.

– Я понять не могу, как они проникли на борт. Если бы поднимались по веревке, стоял бы грохот, какой я слышу, когда хожу за водой к водопаду. Если бы через люк для водолазов...

– Исключено, – прервал Гошу Макаров. – Я заклинил поворотный механизм открывания люка, когда стало ясно, что среди нас чужой. И после погони за детективом осмотрел люк еще раз.

– Значит...

– Значит, они прошли дорогой, которая нам до сих пор неизвестна.

Гоша только что спустился из кабины одного из самолетов и теперь сидел на лестнице с тем выражением на лице, которое всегда сулило Макарову неприятности. Как только Гоша задумывался, он всякий раз говорил после этих раздумий такое, что Макарову хотелось торопиться к Питеру.

Он не ошибся и на этот раз...

– Помнишь, мы говорили о том, что Остров странствует во времени?

Отвечать Макаров не стал, по его мнению, прозвучала совершенно бессмысленная фраза.

– А почему бы тогда тем, кто нас контролирует, не перемещаться во времени самим?

– Я не понимаю, – раздраженно проговорил Макаров. – Я не понимаю тебя, когда ты начинаешь так говорить! Что значит – «самим»? Говори, чтобы я понял. Я старый моряк, странствия по морю лишили меня былой сосредоточенности...

Макаров резко обернулся на тяжелый вздох Гоши. Тот стоял на земле.

– Что с тобой? – поразился Гоша, выпрямляясь. – На тебе лица нет, друг мой...

Макаров беспомощно посмотрел на приятеля и осторожно помял мочку уха.

– Да что с тобой, черт возьми?!

– Сейчас что-то произошло, а я не могу понять что...

– Ты меня с ума сведешь! – с досадой бросил Гоша и покачал головой. – Я бы, как доктор Донован, посоветовал тебе отдохнуть, если бы не был заранее уверен, что отдохнуть от происходящего нельзя. В тебя опять пришло то, что едва не задушило бедного Джорджа?

Обхватив голову руками, Макаров стал бродить бесцельным маршрутом.

– Я схожу с ума, это очевидно, – бормотал он. – Вокруг меня происходят события, а я даже не могу дать им определение. Сознание запуталось, как леска... Так что ты там говорил о перемещениях?..

Подняв с пола что-то похожее на гайку, Гоша швырнул ее в сторону. Звякнув о металлический пол, она запрыгала в неосвещенную пробивающимся солнечным светом часть палубы. Макаров сопровождал ее взглядом, каким обычно смотрят на падение авиалайнера...

– И вот опять что-то происходит...

Гоша покачал головой:

– Я буду милостив и не замечу твоих последних слов. Начну сразу с ответа на твой вопрос. Я сужу так. Если мы на Острове неделю и уже начинаем замечать странности, чтобы не сказать – невероятности, тогда почему тем, кто есть на этом клочке суши, не поставить эти странности себе на службу?

– Считаешь, что после этого я начал кое-что понимать? – спросил Макаров, не сводя глаз с темноты, в которой скрылась гайка.

– Предположим – я в очередной раз говорю предположим, ибо это в голове не уместится, – что Остров перемещается во времени. Значит, существуют законы такого перемещения. Человеческий мозг способен их анализировать и понимать. В мире, откуда мы пришли, уже существует понятие «черные дыры». Не хватает практики! – Гоша выставил перед собой указательный палец и пошел с ним на Макарова. – А здесь практики, по-видимому, хоть отбавляй! Так почему бы этим, в комбинезонах, не отмотать чуток времени назад, к тому моменту, когда люк для водолазов был тобой еще не заперт, и не проникнуть на авианосец за неделю до нашего прибытия на Остров? А уже оказавшись на борту, вернуть себя в то время, когда Дженни зашла на ночь в твою каюту?

– Ты видел, как Дженни заходила в мою каюту?

– Этого не видел разве что Гламур, и то только потому, что был занят разнюхиванием порошка. Так вот, сделав дело, они намеревались покинуть корабль тем же путем – вернуть всю группу в час того дня, из которого они прибыли.

– Что ж они себя не вернули? Почему не вернул себя тот, который заперся в каюте с Питером?

– Быть может, он и вернул бы себя, когда бы захотел...

– То есть умереть ему было выгоднее? – насмешливо уточнил Макаров.

– Вспомни, что сказал Питер... «Он бы меня не убил». Питер видел несколько минут впереди происходящего. Тот, что взял его в заложники, не собирался сдаваться, но и не хотел убить ребенка...

– Я знаю этого человека...

Макаров обернулся так резко, насколько был способен. Гоша обернулся медленно, словно был вынужден сделать это под угрозой.

В проеме двери, в которую они зашли, стояла Дженни.

– Я знаю человека, который захватил каюту с Питером...

– Как ты здесь оказалась, Дженни? – спросил Макаров. Ошеломленный, он продолжал говорить по-русски.

Но Дженни его поняла...

ГЛАВА 2

Шагнув в полумрак, она, мягко ступая, прошла внутрь и встала между мужчинами.

– Хватит играть в прятки, мальчики. Оттого, что каждый из нас носит в себе догадки и загадки, даже не пытаясь поделиться ими с другими, наше существование на Острове становится только невыносимее...

– Где Гламур? – выдавил Гоша.

– Его нет у дверей. И Патрисии нет. Если я не ошибаюсь, именно эта сладкая парочка должна охранять вход в храм?

– Дженни...

– Тот, в кого стрелял Артур... его имя – Антонино. Я была его женой три года. Когда-то в Америке.

– Я думал, ты и есть американка, – сказал Макаров.

Для них обоих – и для Макарова, и для Гоши – появление Дженни оказалось потрясением. Не сам факт ее появления, ничего волшебного в этом не было, а то, что она вошла в их разговор с середины и сразу по делу. Именно поэтому они сейчас говорили слова ненужные и произносили неважные для обстановки фразы.

– Я американка, и когда-то я жила в Америке вместе с человеком, который всего несколько часов назад был зарыт в землю.

– Когда-то?

– О, человек точных понятий! – усмехнулась Дженни, посмотрев на Гошу. – В вашем присутствии прямо-таки не спросишь: «Сколько времени?» Нужно непременно: «Который час?» Да, именно – когда-то! Потому что я не знаю, когда!

– Никто не хочет подышать свежим воздухом? – предложил Гоша, повернувшись в сторону двери. Находиться в полумраке с сумасшедшей и Макаровым, который, заклинив люк, заклинил, по всей видимости, и себя, ему не хотелось.

Но ему не удалось сделать и шага. Дженни положила ему руку на грудь.

– Я помню еще как минимум три своих жизни, так что с того? И всякий раз это начинается. Когда я вдруг теряю свою налитую грудь, загар солярия и оказываюсь маленькой девочкой, сидящей на ржавом рельсе под проливным дождем. Я не знаю, когда это произойдет в следующий раз. Быть может, я не успею договорить и исчезну. И снова окажусь в далеких семидесятых, начиная все сначала и даже не в силах покончить с собой, ибо и мозг мой из зрелого превращается снова в девятилетний!.. – Дженни стерла со щеки выскользнувшую слезу. – А потом, спустя годы, все вдруг наваливается на меня, и каждая ночь становится ожиданием того, что я вспомню жизнь предыдущую! И не смей говорить мне, что я сумасшедшая! – прокричала она в лицо Гоше. – Я сумасшедшая не более двух мужиков, всерьез рассуждающих о путешествиях во времени!.. Тот человек, напавший, – это священник Антонио, я прожила с ним три года, пока нас не разлучила его смерть! Я сказала об этом Франческо. Мне говорить дальше, или вы пошлете за доктором Донованом, едва я начну?

Макаров покачал головой и, протянув руку, смущенно смахнул с лица Дженни еще одну слезу.

– Франческо промолчал, а потом ответил, что он – тот самый священник, который скреплял наш с Антонио союз в церкви... Для того, чтобы я стала его женой, Антонио отрекся от сана. И во всей Англии не нашлось священника, который взялся бы нас соединить. Франческо – решился... Значит, Франческо тоже...

– Откуда-то оттуда? – помог Макаров.

– Именно... Но больше он ничего не помнит. Это вам ответ на вопрос, почему «когда-то в Америке»...

Только сейчас Макаров заметил, что Дженни держит бутылку с водой. Напившись, он протянул ее Гоше. Тот отказался, но потом вдруг принял. Глотнув пару раз, он хотел закрутить крышечку, но не удержал, и бутылка упала на пол. Смущенно чертыхнувшись, Гоша поднял ее и передал женщине. Хотел спросить о чем-то, но вдруг остановил свой взгляд на Макарове.

– Ты меня пугаешь. Жаль, нет зеркала, чтобы ты сейчас мог в него посмотреть.

А тот внезапно пришел в ярость.

– Дьявольщина!.. – взревел он, пугая Дженни. – Что-то происходит, а я не понимаю! Вот и опять что-то произошло, – тыча пальцем в лужу воды, повторял он, – и это снова прошло мимо меня!..

– Давайте выйдем на солнце, – предпринял очередную попытку выбраться из ангара Гоша. – Ну его к дьяволу... За минуту столько сказано... странного...

– Ничего странного, – прошептала Дженни. – Во всяком случае ничего из того, что кажется подозрительным Макарову... Странно другое. Что вы не видите очевидного – вот что странно.

Гоша поднял на нее глаза и, наткнувшись на выпирающую из блузки грудь, смущенно отвернулся.

– Будем рады, если вы нас просветите.

– Слоны не умеют подпрыгивать на месте. Такова его физиология.

– Это все?

– Нет, не все. Утиное кряканье не вызывает эха ни при каких обстоятельствах.

– И это я тоже знаю. Мне также известно, что Венера – единственная из планет Солнечной системы, вращающаяся против Солнца, что ни один лист бумаги невозможно сложить пополам более семи раз и что корову можно заставить подняться по лестнице, но невозможно заставить спуститься. – Гоша обвел всех взглядом. – Это была что, викторина? Если так, в качестве суперприза хочу видеть пачку сигарет!

– Эхо, Гоша...

Тот попытался найти в растерянном лице Макарова объяснение. Его там не было.

– Эха – нет...

Обернувшись, Гоша стал смотреть по сторонам с таким вниманием, словно эхо было, его нужно было только разыскать, спрятавшееся.

Ни слова больше не говоря, Макаров подошел к лестнице, на которой всего десять минут назад сидел его приятель, и, оттянув от самолета, повалил на пол. Железный громкий грохот врезался в уши всех, Дженни вздрогнула, но, как ни пыталась она расслышать в огромном помещении хотя бы слабое повторение этого шума, у нее ничего не вышло.

– Эха нет! – со злорадным выражением прокричал Макаров, вскинув руки. – Куда делось эхо? Я помню, как закрывал уши руками, когда ты пару дней назад пытался подтянуть лестницу к самолету!

Но Гошу не нужно было убеждать, он помнил, как сотрясались его внутренности, когда он нечаянно сбросил торпеду почти под ноги доктору.

– Это невероятно... – прошептал он, шагая по нижней палубе. Посмотрев под потолок, он напрягся и изо всех сил крикнул: – Я здесь!..

Не дождавшись отклика на свой пароль, он схватил пальцами подбородок и вернулся к Макарову и Дженни.

– Что мы знаем об эхе?..

– Жила-была на берегу лесного ручья нимфа по имени Эхо. Гера обозлилась на нее, уж не знаю за что, – говорил Макаров, усаживаясь на колесо «Эвенджера», – но без Зевса тут, скорее всего, не обошлось, и наказала. Теперь Эхо могла разговаривать, лишь повторяя последние слова собеседника. И вот как-то забрел в лес красавец Нарцисс, услышал шаги нимфы и

крикнул: «Кто здесь?» – «Здесь!» – ответила Эхо. «Выйди ко мне!» – «Ко мне!» – ответила нимфа. – «Ты что, дура?» – «Дура!» – заверила нимфа. Плюнул Нарцисс и ушел...

– До последнего вопроса претензий к легенде нет, – задумчиво пробормотал Гоша. – Но если серьезно... Я посылаю звук, он мчится на скорости тридцать три метра в секунду, отражается от препятствия и возвращается ко мне...

– Вы и в вопросах эха специалист? – иронично поинтересовалась Дженни.

– Девочка, папа двадцать лет искал нефть, ему ли не знать принципы эхолокации?

– Вы нефтяник?

– Люблю этих американцев, – Гоша облизал губы. – Их образ мышления очень похож как раз на эхо. Стоило мне упомянуть во время разговора нефть, как я тут же стал нефтяником.

– А кто вы, если ищете нефть? – и Дженни изогнула бровь.

– Макаров недавно стрелу из лука пустил, так что, он – Гименей?

– Лучше уж называйте меня просто – акустик, – прохрипел Макаров и прокашлялся. – В этом помещении нам следует говорить не об эхе, а о флаттере. Сейчас мы должны были слышать «порхающее» эхо.

– Порхающее эхо?

– Да, это эхо возникает в больших помещениях, когда имеются параллельные стены, между которыми находится источник звука. В результате многократного отражения в точке приема звук то и дело усиливается, а в других местах помещения превращается в дребезг и треск. Думаю, именно это слышали Донован и Гоша, когда торпеда оторвалась от «Эвенджера». Но не это важно. Проблема в том, что мы вообще не слышим отражения звука. О чем это говорит, господин нефтяник?

– О том, что... – Гоша на секунду замолчал, а потом хмыкнул. – Вот я сейчас скажу, а вы меня снова идиотом выставите.

– А давайте вы сначала скажете, а потом мы решим, – предложила Дженни.

– Ага, ага... – Гоша рассмеялся. – Друзья мои, эха нет, потому что в данный момент мы перемещаемся со скоростью, превышающей скорость звука.

Макаров поморщился и посмотрел на Дженни.

– Я так и думал, – огорчился Гоша.

– Я не о тебе сейчас думаю, – успокоил его Макаров. – Если мы движемся и наша скорость поглощает скорость посылаемого нами звука, тогда... тогда нужно крикнуть в другую сторону! Ведь мы не можем перемещаться во все стороны света одновременно!..

И Макаров, развернувшись кругом, направился в глубь ангара. Пройдя десяток шагов, он сложил ладони рупором и прокричал в темноту необъятного помещения:

– Остров!..

Тишина была ему ответом. Безвольно опустив руки, Макаров ждал...

– Макаров, дружище... – пробормотал Гоша, глядя себе под ноги. – Ты занят бессмыслицей!..

– Почему? Почему бессмыслицей? Здесь было эхо! Почему его нет?! Флаттер, он присутствует всегда! Трюм корабля – идеальное помещение для изучения флаттера! Почему эта палуба должна быть исключением?!

– Да потому, что мы не имеем вектора перемещения! Мы не движемся на север-запад или на юг!.. Мы движемся во времени! И скорость нашего перемещения пожирает эти несчастные триста тридцать три метра в секунду! Это как если бы мимо черепахи промчался «Бугатти»!

– Но если черепаху посадить в «Бугатти» и заставить ползти, по всем законам физики и математики она будет двигаться быстрее «Бугатти»!..

В присутствии Дженни они перешли на английский и не заметили этого так же, как не заметили, когда разговаривали с ней на русском в момент потрясения.

– Ты говоришь только о скорости, Макаров... – прошептал Гоша. – О скорости в нашем мире. Но скорость там, откуда мы прибыли, – это время, помноженное на расстояние... Мы мчимся во времени, а это значит, что...

– Это значит, что у нас есть только время, – встала Дженни, кусая губы. – Но у нас нет расстояния. И время – только то, что на часах. Остальное время – то, что вокруг нас, не имеет величины. Мы уходим в прошлое, потом в настоящее, что-то забираем в будущем, а что-то оставляем в прошлом...

– Так не бывает! – вскричал Макаров. Найдя предмет, который смог бы принять его ярость, он шагнул к «Эванджеру» и ударил по его фюзеляжу кулаком снизу вверх...

По ангару прокатилось легкое, мерцающее эхо...

– Гоша?.. – прошептала Дженни.

Вскочив, тот набрал в легкие воздух и закричал:

– Ответь мне!..

«Мне, мне...» – прокатилось по нижней палубе, выйдя из темноты...

– Мы остановились, – прошептал Гоша. – Дорого бы я заплатил сейчас, чтобы узнать где.

– Но тебе нечем платить, – сказала Дженни.

– Поэтому мы и не узнаем.

Они вышли из дверей, покинув нижнюю палубу, и сразу увидели Патрисию. Она сидела на ступени лестницы, уходящей наверх, на палубу верхнюю.

Гламура рядом с ней не было.

– Где он? – спросил Макаров, понимая, что имя можно и не упоминать.

– Ушел в туалет, – ответила Патрисию.

Был очередной день, без облачка на небе. Без сигарет. И прохладу можно было найти, лишь находясь в тени под пристройками палубы. Там и находились все, включая Берту и Питера. Подмигнув сыну, Макаров направился к корме. Следом за ним, не отставая, прошли Дженни и Гоша.

– Так вы ученый, Гоша, – решила продолжить начатый внизу разговор Дженни. – Расскажите еще о черепахе и «Бугатти»...

Геологический факультет МГУ, ноябрь 2007-го...

Огромное гулкое помещение с уходящими под самый потолок рядами столов. Заполненное до отказа, оно эхом повторяет каждое слово профессора. Демократично-обаятельный, он не стоит за кафедрой, а сидит на столе, свесив ноги. Серый костюм, под ним – бледно-голубой джемпер из шерсти, такой тонкий, почти прозрачный, что, казалось сидящим в зале девушкам, прикоснись к нему, и он поплывет под пальцами. А прикоснуться так, чтобы джемпер поплыл, хотелось многим. Этот молодой мужчина, не предъявляющий никаких особых внешних причин для влюбчивости, распространял простыми словами о камнях и жидкостях волны, при которых камень и жидкость приобретали иной смысл, более глубокий и чувственный. Отрицающий наотрез даже не ради экзамена секс с ученицами, многие из которых давно перешагнули за взрослость, а секс ради секса. Он притягивал этим своим упрямством еще сильнее.

Было в этом что-то. Очень уж был не похож он на пересекшего тайгу парня. Еще меньше – на любителя колупать минералы геологическим молотком. Ему больше подошла бы роль любимого. Или подонка, из-за которого девки постоянно ищут в них сходство с ним и не находят – по мнению парней. Последним казалось уверенно, что профессор перелюбил всех студентов. Иначе отчего бы им светиться радостью и тлеть истомой всякий раз, когда тот входил в аудиторию? Безоговорочная влюбленность и слепая неприязнь – два чувства, сопровождавшие профессора в коридорах МГУ и на лекциях.

Он давно оставил походы за туманами. Пять лет уж как не закидывал он рюкзак за спину. Не то чтобы надоело, дело в другом. Почувствовал вдруг, что нашел уже много, и отдать это хочется куда больше, чем найти еще. И ушел в науку. Незаметно, как с газетой в руках на лифте, оторвался от земли и поднялся на самый верхний этаж. Вышел, и не успел подивиться свету вокруг, успеху порадоваться. Почувствовать финансовую мощь, которую обрел. Сразу – в дело. С головой.

Лекции в университете – для души. Для дела – научная работа. И не казалось ему, что мечется. А казалось, что все идет своим чередом, плавно, дополняя одно другим.

В лекционном зале он был тем же простым парнем. Сидел на столе, не возражал. Когда пили кофе и жевали булочки на его лекциях, смеялся, дурачился, видя в этом часть великой игры, приводящей к знаниям.

Крутя «паркер», не глядя меняя слайды в аппарате и тыча ручкой за спину. Зная, что там изображено, он говорил просто и доходчиво.

– Ну, что ты, Машенька, смотришь на меня? Я тебя еще больше люблю, – смеялся. – Уже в первом десятилетии двадцатого века никто не рисковал бурить разведочную скважину без предварительного геологического обоснования. Так наряду с нефтедобытчиками появилась новая профессия – нефтеразведчик. Кажется, половина из находящихся здесь с радостью примут ее, и да поспешит студент Верховцев оставить ноги Верочки в покое, ибо нет там, где он ищет, ничего неизведанного, и когда бы понял он, что лучше искать то, что еще никто не видел, осознал бы он ценность моих лекций.

– А почему это нам должно захотеться стать разведчиками?

– А потому что, студент Верховцев, почти все крупные нефтедобывающие фирмы и концерны обзавелись собственными геологическими службами. На худой конец они обращаются к геологам-консультантам. Человек с молотком и рюкзаком идет по местности, собирает образцы горных пород, описывает характерные выходы горных пластов на поверхность...

– С гитарой, – раздастся откуда-то сверху.

– Гитарой много не выковыряешь, – не обижаясь на помеху, профессор дотянулся, взял стаканчик с остывшим кофе и пару раз глотнул. – Да и не люблю я гитару. Мне по душе саксофон.

– Так вы с саксофоном в тайгу ходили?

Профессор смеется.

– Замяли...

Еще пуще смех.

– А потом на основании полученных данных составлялась геологическая карта района, позволяющая судить не только о поверхностном рельефе местности, но и о характере залегания горных пластов под ней.

– Теория!

– Теория современная, выработанная практикой прошлого, студент Зимин! – соскочив со стола, профессор прошел в зал, развернулся и выстрелил пультом в слайдер. На огромном белом полотнище возникла фотография, похожая на снимок мокрого асфальта. – Еще первые авиаторы заметили, что с высоты птичьего полета мелкие детали рельефа не видны, зато крупные образования, казавшиеся на земле разрозненными, оказываются элементами чего-то единого. Одними из первых этим эффектом воспользовались археологи. Оказалось, что в пустынях развалины древних городов влияют на форму песчаных гряд над ними, а в средней полосе – над развалинами иной цвет растительности. Этот принцип был взят на мушку и геологами! По отношению к поиску месторождений полезных ископаемых ее стали называть «аэрогеологической съемкой». Однако оказалось, что аэрофотоснимок, охватывающий площадь до полутысячи квадратных километров, не позволяет установить особенно крупные геологические объекты. Поэтому в поисковых целях стали использовать съемки из космоса.

– Что это на экране?

– Это и есть снимок из космоса. Преимуществом космоснимков является то, что на них запечатлены участки земной поверхности, в десятки и даже сотни раз превышающие площади на аэрофотоснимке. При этом устраняется маскирующее влияние почвенного и растительного покрова, скрадываются детали рельефа, а отдельные фрагменты структур земной коры объединяются в нечто целостное.

– Так зачем же тогда нужны в тайге чудачки с саксофонами и молотками в руках?

Профессор смеялся вместе со всеми.

– Затем, будущий коллега Верховцев, что скважину бурить придется все-таки в одном каком-то месте, а не в любой точке площади в пять тысяч квадратных километров!

Вернувшись к столу, он сел на него и развел руки в стороны. «Вот так бы обнял», – пронеслось в красивых девичьих головках...

– Вы хотите быть геологами. Я на вашей стороне. Авторитет геологов возрос настолько, что всякий уважающий себя американец обязательно консультировался со специалистом при покупке земельного участка. И это было далеко не лишним: землевладельцы частенько пускались на разного рода махинации, чтобы повысить цену земли. И вот покупатель приходит к вам и говорит: «Геолог Верховцев, оставьте все-таки в покое ноги геолога Верочки и заработайте пять тысяч долларов на экспертизе!» И геолог Верховцев оставляет в покое эти богом выточенные объекты и приближается к объекту недвижимому. И что он видит? Проведя комплекс мероприятий, геолог Верховцев, коварно ухмыляясь, устанавливает, что масляные пятна на земле продавца сделаны специально и что выкачиваемая у него и покупателя на глазах нефть из скважины закончится через полчаса, поскольку налита в скважину совсем недавно. И вот, получив законные пять тонн «гринов», геолог Верховцев возвращается к Верочке, чтобы купить ей новые чулки. Старые все в затяжках.

Верочка без ума от радости. Профессор заметил, что она не в колготках, а в чулках... В зале бесшумные стоны зависти. Вот сука...

Он замечает, что в зал, осторожно ступая, входят двое и декан. Последний, успокоительно махнув рукой – как орел крылом, – проходит наверх. Двое в костюмах мягко ступают следом.

Профессору все равно. Месяц назад он читал лекцию в присутствии министра природных ресурсов. Да так и не понял, дошло хоть одно его слово до слушателя или нет. Кажется, безошибочно определил профессор, природные ресурсы и министр – очень редко совпадающие в течение жизни последнего обстоятельства.

Декан снова машет крылом. Кажется, он принял паузу в лекции за растерянность профессора. Между тем у профессора привычка – не говорить ни слова, когда в аудитории кто-то бродит, как отвязанная корова.

– И в наши дни, несмотря на развитие новых методов геологической разведки, полевая работа геологов не потеряла своего практического значения. Из года в год каждую весну в разные страны планеты отправляются геологические экспедиции. В поисках полезных ископаемых они «прочесывают» пядь за пядью самые отдаленные уголки. Удивительно, но новые месторождения могут быть открыты и там, где, казалось, и искать нечего. Так, было установлено, что большое нефтяное месторождение находится под Парижем. Причем, чтобы качать нефть, вышку можно установить прямо под Эйфелевой башней. Ну, или вместо нее... – Профессор некоторое время смотрел в пол, прежде чем сказать: – Я не возражаю, когда во время лекции кто-то вдруг начинает говорить со мной. Но когда начинают говорить друг с другом, у меня портится настроение.

Две сотни слушателей испуганно смотрят по сторонам, пытаясь найти тех, кто нарушил святую заповедь профессора, и – находят. Это двое, пришедшие с деканом.

Последний согласно машет крыльями и улыбается не заметившим ничего смешного спутникам. Ну, так вышло...

– Но случаи с Францией, безусловно, редкость, – говорит профессор. – Обычно геологи отправляются на своих двоих, с навигационными приборами сейчас, как с компасом сто лет назад, туда, где, по их или чужому мнению, есть нефть. Они выходят на маршруты, тщательно изучают горные породы, выходящие на поверхность, окаменевшие остатки доисторических животных и растений, копают шурфы и расчищают поисковые канавы, чтобы виднее было строение пластов. Работа эта не столь романтическая, как может показаться по песне Визбора. Но без этой работы нефтяная промышленность встанет. На основании собранных данных, по результатам последующей камеральной обработки, геологи составляют геологическую карту, на которой отмечаются все возможные залегания полезных ископаемых. Затем, как это часто бывает, по следам геолога-первопроходца идут люди многих других специальностей – буровики и дорожники, монтажники и промысловики... И в безлюдном месте вырастает новый мир...

– Скажите, что на снимке?

Зал замер, потому что голос прозвучал с галерки. Его подал один из тех, кто нарушил первое правило профессора.

– Эта фотография сделана космонавтом Архиповым месяц назад. Это район Бурятии.

– Сколько вы заплатили за этот снимок?

– В кругу моих друзей не принято платить за подарки.

Гость улыбнулся:

– А мне вы ее подарите?

– Не припомню вас в списке моих друзей.

– Скажите, а вы можете дешифровать этот космоснимок?

– Я не специалист по космической фотографии. Это работа узких специалистов.

– Тогда, быть может, вы продадите ее мне? – спросил странный мужчина, распахивая на груди пиджак, стоимость которого явно позволяла покупать фотографии у случайных людей. – Назовите сумму.

Профессор оперся руками на стол:

– Я хотел бы напомнить декану факультета, что здесь лекция по геологии.

– Вы, кажется, только что говорили о материальных возможностях хорошо подготовленного геолога. Послышался вопрос о теории, вы упомянули практику как аргумент, но снова применили теорию. Я хочу помочь вам и показать двум сотням перспективных геологоразведчиков, сколько стоит их труд, – сказав это, гость развел руками. – Разве это не вписывается в ваш методический план?

– В мой методический план не вписываются двое незваных гостей, пытающихся его изменить.

– Тем не менее, – убедительно пошарив в карманах, сказал незнакомец, – я это сделаю. – Вынув что-то, похожее на длинную записную книжку, он вынул заодно и ручку. – Я предлагаю вам за этот снимок двадцать тысяч долларов.

– Когда бы вы на самом деле хотели стать хозяином этого снимка, вы бы заранее выяснили, каким образом можно его получить у меня и в каком случае вам не заполучить его ни при каких обстоятельствах. И теперь ваша ошибка вам будет дорого стоить. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять – стоит она будет вам куда больше двадцати тысяч долларов. Если я правильно понимаю ситуацию.

– Вы совершенно правильно ее понимаете, – подтвердил незнакомец с верхнего яруса. – Поэтому я повышаю цену за снимок до сорока тысяч.

Для всех присутствующих это было уже чересчур. Онемевшие студенты смотрели на профессора, ожидая его решения. И не решались смотреть туда, откуда предлагались невероятные суммы за невероятный товар.

– За пять лет моего присутствия в этой аудитории с моих уст ни разу не слетала нецензурная брань, – профессор соскользнул со стола. – Не заставляйте меня ломать мною же установленную традицию.

Шумно втянув ноздрями деревянно-бумажный запах аудитории – как конь проснулся, – второй посетитель наклонился к декану и, заглушив шепот почти до беззвучия, проговорил:

– Это тот самый интеллигентный рубаха-парень, который шутки ради снимет с себя последние брюки?

– Я не представлял, что вы устроите здесь балаганные торги, когда это говорил, – вполголоса огрызнулся декан.

– За пять тысяч евро, уважаемый Марк Анатольевич, вас не должен был встревожить даже стриптиз в нашем исполнении. Но вы гарантируете хотя бы его знания и практические навыки?

– Это лучший в Москве геолог. Рискну предположить, что и в России всей...

ГЛАВА 3

Пока Гоша с Дженни о чем-то болтали, Макаров ушел в тень, к пристройке. Потрепал Питера по волосам, сел рядом и закрыл глаза. Сколько он сидел так, минуту или десять, он и сам не мог бы ответить, спроси его кто об этом. Но он открыл глаза сразу, как только почувствовал перед собой человека.

Не понимая, что происходит, он продолжал снизу вверх рассматривать Гламура. Лицо балагура и шутника на этот раз не излучало ни малейшего веселья. Напротив, Макарову казалось, что парень болен. Уставшие, с красными прожилками глаза, безвольные, словно резиновые, губы. Но, самое главное, он был бледен и смят.

– Что случилось? – спросил Макаров. – Разве не должны вы стоять в это время вместе с Патрисией у входа на нижнюю палубу?

– Мне нужно срочно поговорить с вами, Макаров...

Секунду подумав, Макаров поднялся. О чем говорить? В смысле – о чем говорить с Гламуром? В минуты, когда он способен это делать, он безмерно весел, а когда требуется новая доза, он нервозен и совершенно не расположен к беседам.

Они отошли за пристройку. Там не было тени, солнце палило сверху, как палит снизу электроплита, но зато люди не могли услышать ни слова. Помявшись, Гламур вытер рукой лоб. Рука была влажная от пота, поэтому все, чего он добился, это размазал грязь по лицу.

– Со мной что-то происходит...

– Ну, еще бы, – саркастически, с хрипотцой согласился Макаров. – Я не могу запретить вам принимать наркотики. Вас уговаривал Франческо, Нидо забирался вам рукой в чрево, вытаскивал оттуда какие-то предметы, уверяя, что теперь вы здоровы, но сейчас я яснее, чем когда-либо, вижу, что наркомана отвернет от героина только усечение головы. Но позволить это на борту судна я не могу.

– Я не об этом...

– Зато я об этом! – повысил голос Макаров. – Пока все гладко. Ваше увлечение еще не принесло никому вреда. Но что мы будем делать, когда вы обезумеете?

– Я себя отлично контролирую, Макаров, не орите на меня. Вы не мой папа.

– Был бы я вашим папой... – оглянувшись и убедившись, что их никто не видит, Макаров взялся за воротник рубашки Гламура. – Был бы папой я вашим, я бы вам сунул руку в задницу и вынул мозг. Полечил бы и тем же образом вставил его обратно...

– Макаров, давайте не будем предаваться гомосексуальным фантазиям. Я к вам по другому поводу. Со мной что-то происходит, но это не касается... В общем, я боюсь, что у меня поехала крыша.

– Ну, наконец-то. Это должно было когда-то случиться. Я думаю, это от морского воздуха, который вы нюхаете.

– Иронизируйте. Сколько угодно можете надо мной смеяться, – сокрушенно пробормотал Гламур. – Но если я что-то и принимаю, то не мухоморы. Героин не вызывает такие галлюцинации.

Макарову хотелось плюнуть. Сделать это за борт было лень – нужно идти до края платформы, а заставить его плюнуть на палубу было невозможно даже под угрозой казни. Шагнув за Гламура, он вошел в рубку. Через мгновение вышел оттуда и покосился на продюсера.

– Говорите быстрее, у меня много дел.

Гламур внимательно разглядел лицо Макарова. Нет, тот не шутил. Взъерошив волосы, продюсер зашептал:

– Странная история, капитан... Я дождался Патрисию и пошел в туалет. Я уж думал, не дождусь ее. Знаете, я плохо переношу эту фруктовую диету... В общем, разместился я в гальюне, и вдруг...

– Что ж вы замолчали?

– Сейчас вы снова сошлетесь на то, что к делу отношения не имеет.

– Вы закончили свой рассказ?

– Макаров, я сидел на толчке и слушал ваш разговор с Гошей и Дженни. Это как жужжание в ушах после недели запоя. Ляжешь спать в темноте, а в ушах то казачий хор поет, то по коридору кто-то маленький в деревянных башмачках бегаёт...

Гламур ждал, что сейчас вновь начнется лекция о пагубности увлечения наркотическими средствами, но вместо этого вдруг обнаружил, что Макаров побледнел. Даже сквозь загар и грязь было видно, как скулы его окрасились в молочный цвет.

– И о чем мы говорили?

– Вы говорили про эхо. Что его нет. А потом обрадовались, что оно появилось. – Гламур шмыгнул носом и рассмеялся. – Бред какой-то, правда? Вы же не говорили про эхо? С чего бы вам об эхе говорить?.. В общем, я слышал ваш разговор, как если бы вы стояли рядом с толчком и были размером с карандаш. Тихо, но очень ясно. Я потом вернулся на пост и спросил Патрисию, была ли на нижней палубе Дженни. Я видел, как входили вы и Гоша, но женщины не было. И Патрисию сказала, что Дженни пришла позже, а потом вы все вместе ушли. За пару минут до моего возвращения. Скажите, Макаров, как я мог слышать ваш разговор, если я находился в двухстах метрах от входа в ангар в сортире с задраенной дверью?.. Или нет, стойте... лучше вот что – скажите, что вы говорили об эхе, иначе выйдет, что я спятил!

– Стой здесь, – приказал Макаров, вышел из-за угла пристройки и коротко свистнул. Убедившись, что кроме десятка человек на него обратил внимание и Гоша, махнул ему рукой. – Сейчас ты повторишь все, что рассказал мне. Но подробно.

Слушая, Гоша качал головой и смотрел под ноги. Когда стало ясно, что рассказывать Гламуру больше нечего, что он зашел на третий круг и история его начинает обрастать деталями, Гоша кивнул:

– Иди попей водички. Мы подумаем над этим.

– А нельзя ли мне подумать вместе с вами, господа?

– Хочешь думать вместе с нами? – обрадовался Макаров. – Отлично. Рад, что на корабле обнаружился еще один мыслящий человек! Но тогда скажи мне, где находится героин. Не часть его – я не Дженни, меня надуть нельзя, – а весь запас! И будешь тотчас посвящен в мыслители!

– Я лучше пойду попью водички.

Глядя вслед раздосадованному Комику, Гоша вполголоса произнес:

– Ухо Диониса...

– Что? – не понял Макаров.

– Ухо Диониса. Эхо представляет собой довольно сложное явление. В Германии есть дворец Сан-Суси. Если в одной из зал этого дворца хлопнуть в ладоши, услышишь долгий ружейный залп. Если из окна главного здания дворца Симмонетта в Италии выстрелить из ружья, то услышишь звук этого выстрела еще пятьдесят раз. Дворец построен таким образом, что звук рикошетит от различных пристроек и не может стихнуть. А в гротах знаменитых Сиракуз можно слышать каждое слово, произнесенное на значительном удалении от грота. Это и есть «ухо Диониса». В Италии есть церковь, проходя мимо которой, можно отчетливо слышать, о чем в исповедальне беседуют пастор с прихожанином. Этим часто пользовались полицейские... Макаров, кажется, мы сейчас снова спустимся к самолетам...

– Зачем?

– Затем, что как только я объясню тебе принцип действия «уха Диониса»... Словом, ты сам туда побежишь. Впереди меня.

Не убирая с лица саркастической усмешки, Макаров облокотился на проржавевший поручень и перестал моргать.

– Если источник звука помещен в одном из двух фокусов эллипсоидального свода, то звуковые волны собираются в другом его фокусе.

– Переключись с птичьего на русский, пожалуйста.

– С удовольствием! Так вот, отличное эхо может получиться в длинном коридоре.

– Коридоре? – повторил Макаров, поморщившись. – Но в ангаре нет коридоров!

Еще минуту он был недвижим, а потом вдруг снялся с места и быстрыми шагами направился к лестнице, ведущей к нижней палубе.

– Разве не это я имел в виду? – бормотал Гоша, торопясь за ним.

У дверей сидел Гламур, который до сих пор сохранял на лице выражение обиды. Похлопав его по плечу, Макаров прокрутил ручку и вошел в ангар.

Ничего не изменилось. Пять самолетов стояли на своих местах. По-прежнему пахло проржавевшим железом и духота увлажняла кожу. И так же, как и всегда, Макаров слышал рядом дыхание Гоши.

Опершись руками в колени, Макаров стал ходить и смотреть под ноги. Со стороны выглядело это довольно комично. Гоша направился было к борту, но услышал:

– Оставь в покое стены. Это нижняя палуба. За бортами – долина!

Гоша хмыкнул и стал рассматривать пол. Покрытый листовым железом, для прочности штампованный ребристыми полосами, для ищущего в нем лазейку он не представлял никакого интереса. Очевидным было, что даже если и найдется в нем небольшая щель, то вряд ли она может служить источником эха, разносимого по всему авианосцу. Пять минут были потрачены впустую. И вдруг Макаров выпрямился и, часто моргая, как моргают люди, пытающиеся зацепить внезапно появившуюся мысль, бросился к выходу.

– Ну, начинается! – взорвался Гоша. – Я не могу бегать за тобой по всему кораблю!

Лица мужчин были покрыты каплями пота. Дышать в этом огромном помещении с обманчивой прохладой было тяжело. Бег создавал эффект сауны – лишнее движение заставляло организм выдавливать из себя потоки пота.

Но Макаров и не думал удаляться от входа в ангар. Распахнув дверь, он выглянул и упер взгляд в Гламура.

– Полчаса назад, когда мы с Гошей заходили в ангар, ты жевал травинку.

– Это преступление? – Гламур поднял голову.

– Нет, это не преступление. Просто я хочу знать, где ты ее взял!

Удивленный Гоша оперся на свод низкой двери.

– Где ты взял травинку, чтобы ее жевать! Вот что меня интересует! Ты не ходил сегодня за водой, значит, ты не спускался с судна на землю!

– Я сорвал ее.

Не нужно было быть наркологом, чтобы увидеть на лице Гламура последствия недавно принятого наркотика. Глупый вид, потяжелевшие веки, лицо выглядело обвисшим. Гламур находился в состоянии мощного наркотического прихода.

– Где ты ее сорвал?! На авианосце не растет трава!

Секунду подождав, Гламур расхохотался.

– Идиот... – прошептал Макаров. – Он убьет себя и, если получится, – нас!

Развернувшись к Гоше, он хлопнул его по плечу и снова забрался в ангар.

– Ищи, ищи... – бормотал он, обходя нижнюю палубу. – Здесь должен быть проход!

Гоша видел, как он вдруг налег плечом на крыло одного из «Эвенджеров» и сдвинул его с места.

– Помоги!

Вдвоем они откатали торпедоносец на метр.

– Что это?

На том месте, где стояло левое шасси самолета – там, куда падала сочная черная тень, – Гоша, опустившись на колени, рассмотрел тонкий шов.

– Нужно чем-то зацепить край! – прокричал Макаров. – Это люк!

Да, это был люк. И когда Гоша спрыгнул с крыла «Эвенджера» с выломанной в кабине полоской алюминия, Макаров уже водил руками по полу, пытаясь в темном пятне, словно в луже, разыскать удобное для рычага место.

Через пять или десять минут – никто не следил за временем – им удалось со скрежетом отодрать от пола небольшой, размером сорок на сорок сантиметров, пласт пола.

– Здесь лестница, – прохрипел Макаров, опуская руку вниз.

– Если было эхо, докатившееся до кормы, где в гальюне сидел Комик, значит...

– Значит, в момент нашего разговора этот люк был открыт!

Оба почувствовали, как, несмотря на жару, их кожа покрывается холодом. Словно оба, открыв холодильник жарким летом, заглянули в него в поисках напитка.

– Нас... видели... Нас слышали.

И в этот момент страшный грохот заставил их повалиться на пол, закрывая уши руками.

Вскрикнув, Гоша поджал под себя ноги. Шум был страшной силы. Казалось, это не от неожиданности они упали, это ударная волна ударила их о пол.

Некоторое время они не слышали друг друга. Оба открывали рты, что-то кричали, обращаясь друг к другу, но лишь спустя несколько мгновений, когда в ангаре затих шум, Гоша услышал:

– Торпеда!

Он повернул голову. Под «Эвенджером», который они откатали, лежала огромная сигара. Точно такую же Макаров запустил со взлетной палубы, спасая корабль...

Встав на колени, Гоша двинулся к снаряду.

– Не трогай!

Гоша посмотрел на Макарова. Лицо отца Питера было перекошено от отчаяния.

– Они контролируют каждый наш шаг, – простонал Макаров, ложась на спину и закрывая лицо ладонями. – Они видят нас. Они знают, что мы делаем в данную минуту...

У Гоши разламывалась от боли голова. Виной тому был не столько грохот, вызванный падением торпеды, сколько непрекращающийся стресс.

– Посмотри, какие цифры стоят на датчике времени, – тихо произнес Макаров, не отнимая ладоней от лица. – Только не фокусируй на этом внимание тех, кто нас сейчас видит...

Дверь в ангар со скрежетом распахнулась, и на пороге появился Комик.

– Они отдыхают, – сказал он кому-то, скорее всего, Патрисии, которая заинтересовалась странным шумом.

Дверь закрылась.

Перекатившись, Гоша оказался почти рядом с торпедой. Перед его глазами бледно-желтыми штрихами светились цифры: 15:46. Через мгновение цифры изменились: 15:45...

– Макаров, разве на торпедах бывают датчики времени, отсчитывающие время самоликвидации?..

– Конечно, нет, – прошептал тот, поднимаясь с пола и на четвереньках добираясь до Гоши. – Эти датчики установили наши друзья... Те, которые только что сняли торпеду с подвески и взвели ее боевой механизм!

Он почти уткнулся лицом в табло.

– Они измываются над нами... Датчик времени на торпедах... Обхохочешься... Они хотят, чтобы мы знали, сколько осталось до взрыва. В этом и заключается гуманный садизм этих парней! Считайте, сколько вам осталось – «все по-честному»...

Поднявшись на ноги, он схватил Гошу за руку и, как куклу, оторвал его от пола.

– Пятнадцать минут, Гоша. – Он шагнул к распахнутому люку. – Быстро собирай людей и уводи с авианосца. Сейчас же! – закричал он, дико тараща глаза, видя, что Гоша и не думает торопиться.

Макаров присел над люком.

– Уводи людей...

– Нет, – оттолкнув Макарова, Гоша быстро сел и спустил ноги в люк. – Знаешь, в чем разница между нами? Я всю жизнь отвечал только за себя.

Макаров не успел опомниться, как Гоша, двигаясь как гимнаст, спустился вниз, так что только одна голова его торчала из темноты. Освещенный бледным солнечным лучом лоб его блестел от пота.

– Ты знаешь, куда потом вести людей, я – нет!

– Гоша!

Тот спустился еще на одну ступень.

– Макаров, приятно было иметь с тобой дело.

Склонившись над люком и не особо надеясь на ответный жест, Макаров опустил в люк руку с распростертой ладонью.

И вздрогнул, когда понял, что Гоша пожал ее.

Нельзя было терять ни секунды.

ГЛАВА 4

Почти три десятка людей столпились у подъемника, собранного Гошей в тот день, когда они с Донованом впервые оказались на авианосце.

– Двигайтесь! – торопил Макаров, понимая, что люди и так спешат убраться с корабля как можно быстрее.

Сложнее всего пришлось с Левшой и беременной девушкой. Слабый после ранения и возвращенный к жизни филиппинцем, Левша еле переставлял ноги. Но и он спешил. Стиснув зубы, он перебирал трос руками. Внизу его уже встречали. На истерику той, что и по ровной поверхности передвигалась с трудом, никто не обращал внимания. Вместе с девушкой, рискуя упасть с высоты двадцать метров, спустился сам Макаров. Он поддерживал ее свободной рукой, а барабанную перепонку ему разрывал беспрестанный визг девушки. Оказавшись на земле, она успокоилась.

Макаров посмотрел на часы. Четыре минуты. Столько осталось до взрыва тонны тротила. Достаточно, чтобы убить всех.

– Уходим в долину! – приказал он, убедившись в том, что Питера крепко держит за руку Дженни.

Закинув на плечо руку Левши, он в последний раз посмотрел на корабль.

Макаров должен был уйти с него последним. Но он ушел, оставив в трюме Гошу.

– Атаман, будьте искренни, – услышал он голос Левши. – Где наш доблестный геолог?

– Там, где ему положено быть.

– В недрах, – не глядя на Макарова, сказал Левша. – Я понял. Что вы задумали?

Схватив его за руку, Макаров двинулся в сторону уходящих в долину людей.

* * *

Спускаясь, Гоша попытался сообразить, сколько ступеней он перебрал руками. Считать их он начал минуту назад и уже сейчас знал, что – тридцать. Пытаясь сообразить, сколько времени он их не считал, сравнить это время с тем, что подсчитывал, Гоша окончательно запутался. Даже по самым приблизительным подсчетам выходило, что он обеими руками подержался как минимум за пятьдесят ступеней – приваренных к двум вертикальным трубам обрезков арматуры.

«Меж ступенями – полметра, – думал он, прижав лоб к одной из них. – Значит – двадцать пять метров... Макаров говорил, что от ватерлинии до верхней палубы – двадцать...»

– Значит, скоро я ступлю в трюм... – прошептали его губы.

Он устал. В висках стучала кровь. Чтобы хоть как-то успокоиться и не впасть в панику, он обхватил ногой трубу, сцепил пальцы в замок и расслабился.

И пришла в голову мысль – неожиданно, удивляя, – а променял бы он свое сегодняшнее положение на то, что теперь является ему во снах, заставляя встречать рассвет в поту?..

Колония строгого режима, 2008 год. Гоша...

Лежа на спине, он трогал пальцем и пересчитывал гнутые ромбы в панцирной сетке спящего над ним Гурунова. И каждый раз, дойдя до середины, где, словно наполненный водой подвесной потолок, свисал зад зэка, сбивался. Четыреста с лишним. Еще ни разу он не досчитал до пяти сотен. В глазах рябило, темнота окончательно забивала взгляд.

Голубой, почти неземной свет, похожий на глубину Средиземноморья, покрывал навощенный пол и отражался мертвым пятном в потолке. Запах прелых носков, нечистого нижнего белья, придавленных потными, невымытыми телами постелей.

«Это символично, – думал он, – что я не могу досчитать. Пятнадцать лет и ни месяцем меньше», – он мысленно, в который раз, произвел вычисления. Привычка считать в уме быстро всякий раз выводила одно и то же число – пять тысяч четыреста семьдесят пять дней. Как и вчера, добавил високосные дни. Вычел те, что минули. Стало на тридцать два меньше. Но как ни старался, не менялась даже вторая цифра в числе.

«Сколько мне будет, когда я выйду?»

Тут подсчеты были проще. Сорок плюс пятнадцать. Пятьдесят пять. Размятый зоной, без зубов, с туберкулезом, желтушного вида. Согбенный старец. Если повезет. Если нет, закопают неподалеку отсюда, под палкой – не под крестом – с номером. Так положено. Впрочем, забирать его все равно некому.

Натянув одеяло до подбородка, он перевернулся на бок и замер. На него смотрели из полумрака два белых, словно смазанных жиром, глаза.

– Две тысячи пятьдесят четыре.

– Что? – переспросил Гоша.

Старик затаился сигаретой – его никто не карал за курение в бараке, и прикрыл глаза. Белки Бесилова исчезли, и Гоше показалось, что стало темней. Такое ощущение остается, когда в комнате гаснет свеча. Но через мгновение глаза снова проявились в темноте.

– Кубиков – две тысячи пятьдесят четыре. Не считай.

– Почему?

– Когда сосчитаешь и будешь знать, уже нечем будет заняться. Прирастешь к этому месту. Станет хуже.

– Хуже, чем сейчас, мне не будет.

– Это тебе так кажется.

Помолчали. Бесилов докурил, затушил чинарик о край банки из-под кофе и поставил банку в тумбочку. Последний выдох его заполнил пространство тяжким духом бессмыслия.

– Никогда не делай здесь того, что потом станет частью твоей натуры. Не уноси отсюда маленькие секреты. Рано или поздно придется о них вспоминать. И тогда зона останется с тобой навсегда. Кубиков в сетке – две тысячи пятьдесят четыре. Зачем тебе узнавать это, прикладывая усилия? Лучше спроси, я тебе скажу.

– Какая разница, как я узнал? – пробормотал Гоша и положил затылок на подушку. – Сам сосчитал или ты мне сказал. Главное, что теперь я знаю – их две тысячи пятьдесят четыре.

– Я соврал. Я сам не знаю. И не хочу знать. Иначе не выйду отсюда вовсе.

Гоша снова повернулся к Бесилову.

Но тот уже смотрел в сетку над собой.

Бесилов мотал срок в четвертый раз, Гоша знал. Каждая новая ходка добавляла старику три года к прошлому сроку. Заехал он впервые в восьмидесятом. Тогда чистили перед Олимпиадой Москву, и Бесилова угораздило разбить в ресторане витраж. Одному богу известной дорогой занесло его в тот год в столицу, и он тут же попал, что называется, под раздачу. За стекло уплатил, но законные свои пятнадцать суток получил. На тринадцатые в камеру зашли, собрали всех, погрузили в автозаки и вывезли за 101-й километр. Он, очумелый от происхождения, тут же вернулся. И тут же получил два года за злостное хулиганство задним числом. Нельзя было бродягам вроде него портить облик советской столицы перед приездом иностранцев, никак нельзя. Что иностранцы подумают? Увезли под Оренбург. Через месяц ушла жена. Впрочем, развестись Бесилов давно хотел. В восемьдесят втором освободился, погулял три года и однажды, совершенно случайно проходя мимо заводской администрации, залез с улицы в здание и унес телевизор. Да из сейфа денег немного прихватил – пятьсот пятнадцать рублей.

Не успели пяти вохровцам зарплату выдать. На следующий день взяли и дали пять лет. По году за каждого вохровца. Так он впервые оказался в Бурятии. Выйдя, обратно уже не торопился. В сорок восемь уже как-то поздно возвращаться покорять Москву. С двумя-то судимостями. Первое, чему стал свидетелем, освободившись, – заседание ГКЧП по телевизору. Страна менялась. Как-то не хотела она сидеть вместе с Бесиловым. В девяносто втором Бесилов был уже Бесом и немножко присматривал за целлюлозно-бумажным комбинатом, что на Байкале воду травил. Сколотил компанию подданных числом тридцать, и те умело собирали дань с торговцев копченым омулем на побережье. В том же году, ошибившись в возможностях, попытался порулить комбинатом. Порулить не дали. Дали восемь лет строгого режима, и он въехал в зону эту, в Бурятии, во второй раз. В двухтысячном – а сидеть Бесилов умел только от звонка до звонка, поскольку активистов презирал и работать не хотел, – освободился. С одобрением принял нового президента и через год пошел на новый круг, уже не надеясь когда-нибудь прижиться в этой новой стране. Одиннадцать лет за убийство, сопряженное с разбоем. Авторитетный набор статей кодекса позволял Бесилову изредка покуривать в бараке, вставить с кровати последним и ходить всегда с чистым подворотничком. Авторитетный чистюля. Год назад в Сочи собрался коллектив мытарей, и предложена была ими Бесилову корона. Станный человек, он думал над предложением третий месяц. С воли трижды уже приходила малява за решением, но старик медлил. То ли звание считал себя недостойным, то ли заслуги свои перед Бурятией не соответствующими предлагаемому положению. Как бы то ни было, а Митволя-то все равно подвинули. Если бы не он, может, и не засветился этот срок Бесилову. В любом случае Митволя убрали подальше от комбината, но пересматривать решение по Бесилову уже никто никогда не будет. Таких людей, как Олежек Митволь, если убирают обратно в Москву, то не для того, чтобы Бесиловых освобождать. До Бесилова тут слух дошел, что в стране решено с коррупцией бороться. И вот уже месяц Бес пытался овладеть хитрой наукой понимать непонятное. Как можно с самими собой бороться – вот, в натуре, загадка...

– Почему не спрашиваешь, за что я здесь, – пробормотал осевшим от долгого лежания голосом Гоша.

– Да не принято здесь такие вопросы задавать. А за что ввезли тебя, и без рассказов твоих знаю. Поаккуратней надо с охотничьими ружьями, приятель.

Гоша резко повернул голову.

Бес лениво повернул свою.

Гоша закрыл глаза.

Бес закрыл свои.

Через некоторое время, почти провалившись в забытие, Гоша почувствовал знакомый запах сигарет Бесилова. С трудом разлепив веки, он усмехнулся:

– Когда же ты спишь?

– Когда сон приходит.

Помолчали. Гоша никак не мог привыкнуть к такому способу общения здесь. Вопрос – ответ, из которого ничего не ясно. Фраза – фраза. В итоге остается еще куда большее непонимание, чем до разговора. Странное дело, но, быть может, в этом и кроется истинный смысл общения людей? Никто же не врет. Там же, за забором, говорят много, и невозможно понять, где правда, а где ложь. Криво улыбнувшись и собравшись уже снова упасть в потную яму бессмысленного времяпрепровождения, Гоша подумал, что здесь, в заключении, никому ничего, кроме свободы, не нужно. Оттого, верно, и смысла врать нет.

– Неделю уже думаю, – раздался голос из темноты. Видимо, страдая бессонницей и заметив те же симптомы у соседа, зэк решил развлечь его разговором. – Как люди нефть находят? Ведь это же немыслимое дело, сколько знаний нужно. Вот выпусти меня в тайгу и скажи: иди, Бесилов. Найдешь нефть – половину срока скостим. Я, конечно, пойду, потому что грех не

воспользоваться случаем... Да, когда на слово верят, это всегда хорошо... – затяжка и – приглушенно осипло, – но как же найти-то мне ее, суку?

Уже давно Гоша лежал с открытыми глазами. Сон как смело. Бесилов говорил о нефти. Ну, правда же – глупо предполагать, будто Бесилов у всех о нефти спрашивает?

Беззвучно рассмеявшись, Гоша почесал лоб:

– Ловок... Тебя не подложили ко мне, часом?

– Когда бы подложили, то ты бы ни ухом ни рылом об этом, – заговорил снова Бесилов. – И говорил бы ты потише, пока кто не услышал. А то завтра поутру спросят тебя за слова эти, и я даже после долгого раздумья вряд ли смогу придумать, что ты отвечать будешь. Скажешь, что пошутил, палец отдать придется. Или еще чего хуже...

– А зачем мне шутить, – Гоша посмотрел вверх, где подвесной потолок панцирной сетки зашевелился и стал перекатываться, ища место получше, выпростал из-под одеяла руку и почесал мочку, – я правдой оперировать буду. Спрошу: граждане ээки, скажите мне, новичку, зачем понадобилось старому Бесилову, половину из пятидесяти пяти лет своей жизни который зоне отдал, расспрашивать у меня, как нефть добывают? Уж не собрался ли он нефтяником стать после отсидки?

Разноголосый храп в бараке разбавился хохотом Бесилова:

– А ты не промах, молодой человек!..

Закинув руку за голову, Гоша поработал пальцами – рука затекла.

– А что, я не против, – сказал он, улыбаясь. – Ты через пять лет выйдешь, подождешь еще десять, освобожусь и я. Сколотим мы с тобой на двоих артель. Возьмем в банке кредит и поставим пару вышек. Нам больше не надо. Нефть к тому времени тысяч десять за баррель будет стоить, поднимемся на ноги, отработаем кредит, поставим еще парочку насосов... – Гоша посмотрел на Бесилова, который, завернувшись в казенное одеяло, как ребенок, с улыбкой слушал. – Ерунда, что тебе к тому времени будет семьдесят, а мне пятьдесят пять. В эти годы, старик, жизнь только налаживается...

– А я не буду тебя ждать. Пока ты тут кедров валишь, я нефть-то и найду. Хули мне, посидеть рядом с ней десятку – в первый раз, что ли? Зато сохраню к твоему выходу. А за кредит не волнуйся. Кредит – это моя забота. Это ты десять лет на ноги встаешь, а я в восемь месяцев уже пошел.

Гоша покусал губу:

– Ну, тогда слушай, напарник...

Продолжить он не смог.

В бараке, в дальнем углу, началась возня. Приглушенные сначала, а потом разорвавшие сонную тишину барака крики оглушили помещение. Грохот раскалываемого табурета, вопль, перекрестный мат разбудили всех. Кто-то поборзее, вскочив и свесив ноги с кровати, входил в роль молчаливого свидетеля, кто-то, медленно натянув одеяло, становится таковым наотрез отказывался.

Гоша хорошо различал в слепой темноте удары ног о чье-то тело, удары по лицу и истеричные восклицания. Помертвев, он сообразил, что идет обычная драка. А малая толика необычности заключалась в том, что за месяц его пребывания здесь ссоры были, но никогда – драки. Тем более что разразился скандал совершенно на пустом месте – ночью, в безмолвии, сразу...

Бесилов приподнялся на локте и выдавил:

– А идите-ка сюда, люди добрые!

Не узнать этот голос, придавленный хрипотцой и чуть прерывающийся при переходе с шипящих на гласные, было невозможно. Как невозможно было не исполнить просьбы, им произносимые.

Трое или четверо – в сумраке, превращенном дежурным освещением в час между волком и собакой, Гоша не мог разобрать точно, когда же подошли, стало ясно, что трое, – приблизились к кровати Бесилова, дыша тяжело и рвано.

– Он из тумбочки мою трубу взял, – произнес один из призраков, указывая мизинцем на рядом стоящего. Как ни силился, Гоша не мог вспомнить их имен, хотя визуально представлял обоих. – Бес, мне мать только скинет бабла на телефон, я с ней раз поговорю, потом смотрю – баланс в минусе. Откуда у матери деньги эту суку междугородними снабжать?

– Бес, он без причины ударил! – заговорил другой. – Мне труба его не нужна, ты знаешь, мне звонить некуда, я сирота!

– Я свидетель, – сказал вдруг третий, держась за Гошину кровать. Гуронов наверху делал вид, что спал, хотя было совершенно ясно, что просматривать сны в такой ситуации совершенно невозможно. – Мне Забой предположительно выразил мнение, что кто-то трубу его крадет ночью, закрывается одеялом с головой и шепотом с кем-то базарит, бабки спускает Забобы.

Разглядывая происходящее в метре от себя, Гоша прищурился. Улыбаться не решился. Забой предположительно выразил мнение, что кто-то крадет его телефон. Знакомая барачная политкорректность. Никого нельзя обвинять в дурном поступке, пока вина не доказана. Все на грани правильного понимания момента, и не было бы той грани, а был бы «висяк» – «по-красному», когда бы не прозвучало: «Закрывается одеялом с головой и шепотом с кем-то базарит». То есть уже совершенно точно известно, кто крадет, с какой целью и как пользуется похищенным, осталось только смотрящему все выяснить и слово свое сказать.

– Мы с Забоем порешили ночью не спать, – продолжал между тем объявивший себя свидетелем, – и выяснить тему. И вот Комар, дождавшись, пока мы засвистим, тихонечко так открывает тумбочку, вынимает оттуда трубу и закрывается с головой одеялом. Зарылся, сука, как крот. И еще подушечку сверху привалил. Мы подождали пару минут, а потом накрыли его.

– Что скажешь, Комар?

Гоша одними глазами, не поворачивая головы, посмотрел на Бесилова. Тот сидел, привалившись спиной к спинке кровати. Худые, покрытые хищно поблескивающими в свете синей лампочки седоватыми волосами ноги его, скрещенные, как на упокой, лежали поверх одеяла. Пальцы на ступнях играли мазурку.

– Что скажешь, Комар?

Уже понял Гоша, что ошибки нет. Только что совершено одно из самых тяжких преступлений в зоне – кража у своего.

– Бес, они гонят, я отвечаю!

– Ты отвечаешь? – подумав, с нажимом повторил Бесилов. – Я не просил тебя это проносить. Ты решил сказать это сам.

– Я отвечаю, это гнилой базар! – тот, кого звали Комаром, присел и ударил себя ладонями по бедрам. Раздалось несколько звучных шлепков. – Ты знаешь меня, Бес! А вот эти двое должны тоже ответить!.. Или мне сукой здесь ходить, или им!

Гоша молчал и смотрел прямо перед собой. Нелегкая задача для смотрящего. Попробуй здесь, в темноте, не видя глаз, не имея доказательств, слыша лишь голоса, принять правильное решение. А не принять нельзя. Он для того здесь и спит, в этом бараке, чтобы никто не крал и не было склок, раздражающих администрацию.

– Да, ты прав, – Бесилов затянулся, прокашлялся дымом и протянул руку к тумбочке, чтобы достать знакомую Гоше банку. – Кому-то придется этой ночью стать сучьего племени членом...

– Пустой базар, Бес! – приняв сказанное за поддержку, взревел Комар так, что Гоша снова покусал губу. Выставив в сторону двоих обвинителей средний палец, он стал тыкать им, как куском арматуры: – За базар ответить, Бес, за базар ответить!..

– Дай телефон, Комар, – приказал Бесиков, вытерев руку об одеяло.

Приняв трубку, он чиркнул колесиком «зиппо» и поставил зажигалку на тумбочку. Если бы не трое в трусах посреди прохода, Гоша мог бы заключить, что в бараке стало уютнее и теплее. Когда Бесиков нажал кнопку вызова, он уже понял, что сейчас произойдет. Все так просто, оказывается. Наверное, он и сам смог бы сообразить, находишься не здесь, а за забором. Или пожив тут чуть дольше... А троица не знала правильного ответа, потому что еще горели лица от ударов и стонали внутренности.

Поймав номер последнего разговора, Бесиков передал трубку Комару и велел подключить громкую связь.

Через четверть минуты в бараке послышался женский голос:

«Дима... – раздалось в натянутой, хоть ножом режь, тишине. – Ты уже готов? Я уже легла... Как и обещала, без трусиков... Дима, у тебя уже стоит?..»

– Дима, – выдохнул Бесиков и спросил, будто не знал: – Кто у нас Дима?

– С-сука, – едва слышно пробормотал Забой. – Мне мать последние переводит, я даже бабе своей не звоню... А он прочит со шмарой из санчасти...

Гоша только сейчас вспомнил этот женский, чуть плавающий голос. Три дня назад он приходил в санчасть за обезболивающим для головы, и доктор, едва дослушав жалобы, крикнул сидящей в соседней комнате медсестре: «Дай ему цитрамона четыре таблетки!» Медсестра выплыла, качая бедрами, оценила Гошу взглядом, вынула из кармана стандарт и разорвала пополам. Одна таблетка вывалилась и закатилась под стеклянный шкаф. Наклонилась она за ней так, чтобы Гоша сумел хорошо рассмотреть ажурное плетение на ее чулках. Выходя, он прошел мимо нее, коснувшись плечом груди. Пахнуло духами средней паршивости. «По таблетке три раза в день или во время приступа», – сказала она голосом, которым можно было предложить минут.

И вот сейчас он снова слышал этот голос. Слова Забоя были тому подтверждением.

– Бес, – заволновался Комар, – это какое-то недоразумение... Они подставили меня! Они уже давно меня хотят ссученным сделать! Ты вспомни – неделю назад эти двое подговаривали пацанов следить за мной, когда кум вызвал! А меня всего лишь на давешние дела разводили – малява от иркутских мусоров в зону пришла!

– Ты каким пальцем на них показывал? – спросил Бесиков, и Гоша вдруг с каким-то неприятным холодком вывел, что разговаривает Бес одним голосом и с ним, покуривая, и с этими троими.

– Бес?.. – изумленно выдавил Комаров.

– Позовите Членореза.

– Бес!..

Кто-то спрыгнул с верхнего яруса – шнырь заторопился показать свою преданность – и метнулся в угол, противоположный тому, где началась склока.

Гоша услышал, как закачались, загудев, словно сосны на ветру, нары – два этажа. Слышался и голос: «Да вставай же, вставай, Бес кличет!..»

– Ну, паскудство... – недовольно заворчал кто-то басом, и раздался сухой плевок.

– Я тебе сейчас за базар такой язык-то подрежу, – пообещал Бесиков. – Не проснулся еще, в доме плюешь?

– Да я спросону, Пал Палыч... Что такое?

– Видишь эту пехоту?

– Какую из троих?

– Комар.

– Базара нет. Как не видеть.

– Средний палец правой руки у него лишний.

Гоша почувствовал приближение чего-то неприятного, вникая в суть происходящего далее. Все выглядело так, как когда-то, двадцать лет назад, в Махачкале, куда он прибыл стажироваться от геологического факультета МГУ. При нем резали барана, чтобы накормить гостей – его и руководителя стажировки. Разница была лишь в том, что баран тогда не оказывал сопротивления и не кричал...

Членорез сходил к своей кровати, вернулся с ножом. Поставил табурет посреди прохода, воткнул в него нож. Потом взял Комара за шею, поставил на колени, сдернул с него майку и перетянул ему рот. Теперь Гоша слышал лишь приглушенные звуки, которые, сорви повязку с лица Комара, заглушили бы проспект Кутузова в час пик.

Схватив руку упирающегося меж его ног Комара, он выбрал, почти вырвал, средний палец его правой руки, положил на край табурета и приставил к нему нож. Секунду помедлил, примериваясь, а потом резко надавил.

Этот хруст заставил Гошу покрыться ознобом. До сих пор он считал, что все закончится испугом Комара.

Он вспомнил, как с тем же звуком от мерзлой куриной тушки отделяется окорочок...

Толкнув Комара ногой, Членорез вытер о майку на его лице нож, прошел к себе, лег, и через полминуты Гоша услышал сочный, неподдельный храп.

Глядя, как двое шнырей перетягивают запястье Комара и волокут его, потерявшего сознание, к выходу, он снова потрогал мочку уха.

Скрипнула кровать рядом. В свете зажигалки взорвалось облачко дыма. Бесиллов курил не переставая. Но теперь запаха дыма не чувствовалось. В проходе меж их кроватей пахло свежей кровью.

– Так что там с нефтью-то? Как ее ищут?

И Гоша рассказал.

ГЛАВА 5

Ступень под номером двести восемь была выгнута вниз, и он едва не сорвался вниз. Гоша начал считать ступени, когда спустился, как ему показалось, уже достаточно глубоко, чтобы коснуться дна. Дна чего – конечно, авианосца. Если у него было дно. Все, что имеет форму посуды, имеет дно. Как и терпение людское. И вот, насчитав двести семь ступеней, он исчерпал свое терпение до дна.

– Это глупо! – вскричал он. – Глупо! Нельзя спускаться так долго!

И в этот момент лестница качнулась, словно кто-то, стоящий внизу, взялся за нее обеими руками и изо всех сил качнул...

Странный гул пронесся мимо Гоши и ушел вниз, как в бездонную трубу.

«Эхо!» – пронеслось в голове его, и он, понимая, что взглянуть на часы нельзя, начал считать вслух.

Он ждал возвращения шума снизу. Эхо не могло не вернуться. Но планам его не суждено было сбыться. Где-то высоко над ним раздался еще один звук. Металлический скрежет, который затих так же неожиданно, как и возник. Теперь считать секунды не имело смысла. Ушедший вниз второй звук встретился с первым, и они поглотили друг друга.

Вытянув в сторону руку, он прикоснулся к стене. Металлическая поверхность, холодная и сухая.

Ступив на выгнутую ступень, он почувствовал, как нога соскользнула, и он пошел вниз, в темноту...

Руки его уже не слушались. И поэтому Гоша не понял, как случилось, что, когда он открыл глаза, обе его ступни по-прежнему твердо стояли на ступенях, а руки сжимали ступени так, что разжать их мог только он сам.

У него не было с собой ни спичек, ни предмета, который, когда бы были спички, можно было ими зажечь. Гошу окружала темнота, которая бывает в засыпанном землей гробе. Никогда раньше не страдавший клаустрофобией, он вдруг почувствовал, как неуверенно стукнуло сердце. Словно засомневавшись, есть ли смысл работать дальше. И ноги сразу стали ватными, а руки – словно он отлежал их во сне.

Гоша понял, как глупо сейчас его присутствие на Земле. Или – в ней... Он твердо стоит на ногах, он удерживается руками, но стоит расслабиться – и полетит вниз.

Как далеко – вниз?..

В тоннеле было, в отличие от нижней палубы, прохладно, но запах – его невозможно было спутать ни с каким другим – проржавелое железо и засохшее, покрывшееся пылью машинное масло. Гоше вдруг подумалось, что он до сих пор в метре от расположенного над его головой люка, и по мере того как он спускается, лестница на такое же расстояние поднимается. Чтобы избавиться от наваждения, он поднял руку. Пустота. Он шагнул наверх. Пустота. Еще десять шагов наверх. Вытянул руку – пустота.

Хотя не факт. Он может быть в пяти метрах под люком, и когда он поднимается, лестницу, наоборот, опускают...

– Я потерял над собой контроль, – твердо сказал Гоша. Прижав лоб к куску арматуры, он минуту стоял неподвижно.

– Но у всего есть начало и есть конец.

Третьей фразы от себя ему пришлось ждать только через четверть часа.

– Ты боишься идти вниз... Подумай над этим конструктивно. Лестницу делали люди. Лестница – не луч света. Но и тот имеет свой конец. Возможно, ты стоишь в пяти метрах над тем местом, где она заканчивается. Так разумно ли подниматься при этом наверх?

Он наконец-то озвучил то, над чем думал четверть часа – Гоша хотел подняться.

Но вместо этого стал решительно спускаться вниз.

«Макаров увидел травинку во рту Комика. Действительно, где он ее взял? Люк задраен, значит, есть еще выход. И те люди, что хотели убить Макарова, прошли именно через это «окно»...»

Четыреста пятьдесят ступеней...

Что-то тяжелое медленно, но уверенно забралось на его плечо. Вскрикнув. Гоша сбил это «что-то» рукой. Теперь он не спускался, а «срывался» вниз. Рискую сбить очередность перестановки рук и ног, он почти полностью отдал себя гравитации. Никогда не боявшийся стесненных пространств, он четверть часа назад испытал приступ клаустрофобии. Не относящийся безразлично к насекомым, только что содрогнулся от изоптерофобии.

Пятьсот шестьдесят пятая...

– К черту фобии! – и Гоша заставил себя рассмеяться. Он слушал свой смех и чувствовал, как непослушны губы. Ему часто приходилось смеяться через силу, но еще ни разу он не ощущал такую беспомощность губ. – Поговорим о перемещениях во времени...

Ему нужно было о чем-то говорить. Отправив фобии к черту, он обрел еще одну. Теперь он боялся, что путь его бесконечен. Но научного названия такому страху он не знал.

Пятьсот девяносто третья...

– Предположим, мы странствуем во времени... – прохрипел он и прислушался к своему голосу. Он его не узнал. И с этого момента решил себя не слушать. Главное – говорить... – Предположим, в нашем распоряжении есть коридор, сквозь который можно пройти за считанные секунды. И пусть два его воронкообразных устья «А» и «Б» расположены в пространстве рядом. Иначе и быть не может – только рядом... Мы привыкли к скорости Земли, и если Остров разогнать до скорости света, нас размажет по его поверхности. Поэтому, чтобы начать перемещаться во времени, мы должны войти в коридор. И уже там, обретая новые свои свойства в новой обстановке, переместиться... Устья «А» и «Б» должны быть рядом, иначе мы не смогли бы вернуться обратно...

Шестьсот сороковая.

– Итак... Устье «А» остается на месте, а «Б», в коридор которого мы входим, разгоняется до скорости света... А потом мы вместе с этим коридором резко очерчиваем петлю и тормозим у устья «А»...

Гоша остановил спуск. Если бы был хотя бы ничтожный источник света, можно было бы увидеть, как блеснули его глаза.

– Так вот отчего нас словно ветерком обносит в безветрие!.. В этот момент мы не начинаем движение, в этот момент мы, очертив круг, возвращаемся к устью «А»! И остановка происходит так неожиданно, что нас словно обдувает ветром!

Гоша почувствовал озноб и снова заставил себя засмеяться.

– Боже мой, если бы в этот момент мы не находились в устье «Б», нас разнесло бы на атомы...

Семьсот восьмая...

Гоша словно позабыл, где находится. Он спускался. Не забывая считать ступени, он в то же время беспрестанно говорил, пытаясь отвлечь себя от неизвестных ранее страхов.

– Мы очертили петлю во времени со скоростью света и вернулись назад или же, напротив, перенеслись вперед... – сейчас он был похож, если не принимать во внимание обстоятельства и внешний вид, на лектора в привычной аудитории. – И в этом случае за счет эффекта замедления времени на движущемся теле по сравнению с неподвижным... для нас пройдет меньше времени, чем для устья «А», где жизнь идет привычным чередом... При этом, чем выше наша скорость и чем дальше Остров движется в коридоре, тем больше будет разница времен между ними...

Гоша остановился и зацепился локтем за ступеньку. Погруженный в рассуждения, он настолько «отвлекся» от страха, что вторая нога его фривольно болталась над пустотой, и он даже придавал ее движению осмысленный рисунок.

– Таким образом...

Он и позабыл уже, когда в последний раз произносил эту фразу. Так давно это было, что он почти физически ощутил отсутствие в руке кубика мела.

– Таким образом, опираясь на теорию Эйнштейна, мы можем вернуться на Острове во времена Колумба или, наоборот, оказаться в двадцать третьем веке... С ума сойти. Но кто здесь не полоумен?

– Восемьсот тридцать девятая... Интересно только вот что... Мы оказываемся постоянно в лете... Ни разу не очутившись в зиме... Хотя...

На этот раз он рассмеялся уже невольно и искренне...

– Ты глуп!.. Здесь никогда не бывает снега! Как далеко назад или вперед ни переместился бы Остров, он никогда не меняет своего географического положения! Что руководит этим? Людская воля или особенность Острова, не связанная с разумом?

Он спустился вниз еще на пятьдесят ступеней.

– Что я вообще знаю об уравнениях Эйнштейна? Почти ничего... Мне лишь известно, что в них четырехмерное пространство существует в двух экземплярах. И экземпляры эти соединены друг с другом «окном». Это «окно» невидимо, никто не знает, где оно находится... Быть может, за свою жизнь я прошел мимо него пятнадцать раз. Я ходил в метре от «окна», оставаясь в своем мире. Но если бы шагнул в него, угадав, то оказался бы в другом мире. Похожий на мой и причастный только ко мне, но некоторое время назад или некоторое время спустя... А чтобы вернуться, я должен снова выйти через «окно». И Эйнштейн уверяет, что это может быть вовсе не то «окно», в которое я заходил... – помолчав, он смущенно кашлянул. – Мне нужно спускаться. Иначе я одурею окончательно.

Насчитав еще сто ступеней, Гоша снова оплел ступеньку руками.

– Остров движим разумом. Иначе быть не может. И мы все – почти три десятка людей, ступив с палубы «Кассандры» и сев в лодки, в какой-то момент оказались в устье «Б». Пронеслись сквозь время и высадились на Острове...

Помолчав, он добавил:

– Острове, которого нет... Где-то там, наверху, есть «окно» с устьем «Б». И оказавшись в нем, можно переступить через время. И вернуться... Вот почему мы не увидели «Кассандру», когда растворился туман. Мы просто перенеслись во времени. И в тот момент, когда на Острове прозвучал первый вопрос: «Где «Кассандра»?», – она или полста лет уже гнила в водах Желтого моря, или только появилась на чертежах какой-нибудь голландской верфи.

Гоша спустился еще на сто ступеней.

– Между ступенями – пятьдесят сантиметров. Это значит, что я спустился под землю на глубину пятьсот сорок пять метров. Мне нужно немножко отдохнуть. Потому что сейчас я спустился на пять метров ниже высоты Останкинской башни. Если, конечно, русский язык допускает такую постановку факта...

И он почувствовал, что волосы его, как при сквозняке, шевельнулись.

– Хотя, есть ли она сейчас вообще, башня Останкинская?..

Он покусал губы и отвлек себя от внезапно нахлынувшего непреодолимого желания разжать пальцы и сделать шаг назад.

– Остров только что вышел из носителя – устья «Б», и я вошел в устье «А». И сейчас стою на долбаной лестнице в ту минуту, быть может, когда совершенно голый банкир Ван дер Шельк накладывает на совершенно голую Мату Хари. – Втянув воздух носом, Гоша почесал щеку. – Странно, что меня это не возбуждает.

Пальцы на руках будто помертвели. Они не слушались его. Ему хотелось просто расслабить руки и упасть.

Такое уже однажды было. Было... Но тогда падение означало свободу. Падение здесь означает смерть. И он, стиснув зубы и нащупав ногой следующую ступень, продолжил спуск.

* * *

С этого места авианосец выглядел как детская игрушка.

Люди настолько устали, что идти дальше уже не могли. Они лежали на земле и дышали, как загнанное стадо.

– Макаров... ты говорил, что этот авианосец – атомный?..

Дженни подползла к Макарову сразу, едва он приказал остановиться. Около минуты она, выравнивая дыхание и уткнувшись ему лицом в плечо, просто лежала. Сам Макаров держал голову на руке Левши. Он тащил его, и, когда они рухнули на землю, их положение относительно друг друга не менялось. У них не было сил, чтобы сделать это. Питер устал, кажется, меньше всех. Для него это было простой пробежкой на два километра.

– Да, это атомный авианосец.

– Если в его трюме взорвется тонна взрывчатки...

– Не одна тонна, Дженни, а четыре... Те, кто спланировал взрыв, ставили целью одну из двух мне известных: уничтожить судно или уничтожить Остров. Если атомный реактор на судне в рабочем состоянии, то эта пробежка была напрасной.

Он посмотрел на Дженни.

– Почему? – спросила она, хотя знала почему.

– Потому что, если реактор взорвется, нам уже не нужно будет составлять очередь для похода на водопад для набора воды.

Левша ухмыльнулся и с закрытыми глазами поинтересовался:

– Вот ты, Макаров, как военный человек... Скажи-ка нам, что нужно делать, если реактор взорвется?

Поднявшись, Макаров развернулся лицом к судну.

– Нужно лечь и вытянуть руки вперед, чтобы раскаленные капли автомата не испортили казенные сапоги... – он посмотрел на часы. – Двадцать секунд.

– Какие сапоги? – заволновалась Дженни и хлопнула Левшу по плечу. – Эй, о чем он говорит?!

– Это он так шутит. Военные, они вообще склонны к имбецильным остроумам.

Макаров повернулся и крикнул громко, в уверенности, что его слышат все:

– Лягте все ногами в сторону авианосца! Закройте головы руками! Питер, я что сказал?!

– И все? – спросила беременная девушка, которая плохо понимала суть происходящего и которая передвигалась только за счет того, что ее захлестывал адреналин. – И – все?!

– Простите, забыл! – с бледным лицом проговорил Макаров. – Молитесь!

* * *

Он уже ничего не говорил. Просто спускался вниз. Так спускаются с горы с трудом взобравшиеся на нее туристы. Переставлял ноги, как сомнамбула, ни о чем не думая и ни слова не говоря. Разница между ним и покидающим гору путешественником была невелика по сути, но не умещалась в сознании по форме: Гоша спускался в никуда. Он не видел, сколько ему осталось, не мог рассчитать силы и радоваться пройденному пути.

– Семьсот пятьдесят метров... – прохрипел он наконец, просовывая руку за арматуру, чтобы перевести дух. Он подумал, что бы ему кинуть вниз, чтобы понять, сколько еще раз ему

нужно переставить ноги. Пальцы уже не слушались команд. Они просто ложились на ступень, и если бы нога Гоши соскользнула во второй раз, он уже не мог поручиться, что выручат руки. Бросить было нечего. Разве что сандалии. Но если высота велика, он просто не услышит звука их падения.

– Я вернусь наверх... – выдавил он через силу. Желание наконец-то прорвалось наружу. – Я вернусь наверх, иначе сойду с ума и просто свалюсь с этой лестницы в преисподнюю...

Минуту назад ему пришло в голову, что он спускается все ниже и ниже, а кислорода по-прежнему предостаточно. Это значило, что внизу или в стенах шахты есть вентиляция. Коридор, имеющий выход к источнику чистого воздуха.

Он тут же подумал о том, что вполне мог пройти мимо него, как тысячи раз ходил мимо «окна» с устьем «Б», не подозревая о его существовании рядом.

Страх снова заполз в его сердце. Он хотел вернуться.

И вдруг высоко над его головой раздался шум. Сначала это был невнятный шепот. Потом он превратился в шорох. Потом Гоша услышал скрежет. Ничего не понимая, он поднял голову.

Где-то высоко, так высоко, что пришлось прищуриться, чтобы рассмотреть, он увидел светящуюся точку. С каждой секундой она увеличивалась в размерах. И чем больше она становилась, тем громче становился шум. Еще несколько секунд – и Гоша увидел...

Содрогнувшись он ужаса, он сжал пальцами прут так, что заныло в плече.

Вышибая снопы огненно-красных искр, на него мчался обломок лестницы длиной...

Он присмотрелся. Теперь, в свете искр, он видел путь, который прошел. Освещенный красным светом коридор уходил вверх стрелой, и не было ему конца. Искры малинового цвета смешивались с оранжевыми, рождали красный свет, и Гоша помимо своей воли вспомнил кадры кинохроники извержения металла из чрева вулкана.

Лестница, со страшным скрежетом чеканя стены шахты, крутилась, играла, била концами и вышибала, вышибала тысячи, миллионы искр...

«Я забыл сказать Макарову – прощай», – подумал Гоша, шурясь от разрезающих слух звуков.

Ничего нельзя было изменить или поправить. Надломившиеся после взрыва авианосца крепления уронили часть лестницы набок. Некоторое время обломок стоял недвижим, пока что-то не заставило его пошатнуться. И он соскочил с опоры и помчался вниз.

И ничего нельзя было изменить. Гоша не мог войти в устье «Б» и очертить петлю, чтобы вернуться в ту минуту, когда увидел протянутую Макаровым руку.

Он прижался к лестнице всем телом. Если бы мог, он забрался бы за нее. И тогда расположенные в полуметре друг от друга куски арматуры заслонили бы его от удара. Но меж стеной шахты и лестницей он мог только просунуть руку.

Он вдавил живот в лестницу, убрал за нее руки и прижал голову меж прутьев к стенке, когда до мчащегося на него со скоростью болида куска железа оставалось не более тридцати метров...

* * *

Макаров смотрел на авианосец – их надежное укрытие на протяжении пяти дней...

Сначала послышался треск. Словно неподалеку от Макарова кто-то наступил на сухую ветку и сломал ее. Потом корабль дрогнул и на глазах покрылся паутиной трещин. И только после этого Макаров увидел вспышку... Трещины окрасились в ядовито-оранжевый цвет. Таившийся до поры свет пронизал небо над судном сполохами, застил слепящим заревом глаза, и по Острову прокатился гром. Несколько – пять или шесть – огненных шаров окутали корабль жирными, шевелящимися клубами, и Макаров услышал взрыв второй...

Авианосец раскололся надвое, в небо и в стороны от него полетели куски обшивки, обломки плит верхней палубы, и снова – взрыв.

Разорвавшаяся на нижней палубе торпеда заставила сработать детонаторы трех других. Третий взрыв, самый мощный, прогремел и слился с еще не окончившими свое разрушительное дело двумя первыми...

Макаров видел, как из авианосца, будто из чрева проглотившего гранату крокодила, вылетают ошметки его внутренностей – лестницы, рассыпающиеся в воздухе стены, раскалившиеся докрасна переборки, задвижки и обрывки стальных канатов и якорной цепи...

От Макарова оттянуло воздух, он даже качнулся вперед, ведомый чудовищным поцелуем...

От судна отделилась похожая размером на точку деталь и помчалась в его сторону как пуля. Через мгновение он рассмотрел предмет, летящий прямо в него. Он покрылся ледяным потом быстрее, чем предмет преодолел половину расстояния от корабля до него. Со свистом выдавив воздух, Макаров почти приплюснул свои легкие. Он бы расплющил все внутри себя, лишь бы успеть присесть.

Он повалился на спину, запрокидывая назад голову, когда над ним, сдирая с него рубашку, просвистел винт авианосца. Гигантский пропеллер весом в несколько тонн захватил его в закрученный поток воздуха и поволок за собой...

Макаров уже и не помнил, в каком направлении его забросил поток и где он находится... Закончив катиться по земле, он вскочил на ноги и почувствовал неладное. Словно жизнь умерла вокруг...

Еще мгновение и – пустота, щемящий под ложечкой вакуум внутри...

И вдруг – еще удар!

Взрывная волна снесла Макарова и подняла в воздух. В пыли, древесной трухе и кусках дерна он пролетел около тридцати метров и рухнул на землю. Еще некоторое время неукротимая сила волокла его по земле, в кровь сдирая ему пальцы, грудь и плечи. Макарову казалось, что его затягивает в какой-то огромный, размером с кратер вулкана, водоворот.

И вдруг все стихло...

Некоторое время он лежал, боясь шевельнуться. Раны на теле и ладонях горели, словно их облили кипятком.

Стеная и крича, он поднялся и вслепую, сквозь пыльный туман, побрел назад, туда, где за холмом, за который он их уложил, притаились люди.

Долина была затянута пыльной взвесью. Он ничего не видел и с трудом различал свои пальцы, вытянув вперед руку. Споткнувшись, он упал, больно ударившись коленом. И, открыв глаза, увидел кроссовку сына.

– Питер! – позвал Макаров, хватая мальчика за ногу.

Но вместо ноги он почувствовал пустоту. Кроссовка послушно легла в его руку.

Ужас захлестнул Макарова. Вскочив на ноги, он не заметил, как из носа его, словно вода из водопроводного крана, течет кровь.

– Питер!

– Я здесь!

Разутый, мальчик выполз из пыли, сквозь которую до сих пор не мог проникнуть солнечный свет.

– Иди на голос, папа, здесь нечем дышать, я боюсь открывать глаза!

И Макаров увидел поднимающегося с земли Гламура. Качаясь, точно пьяный, и пытаясь найти равновесие, он узнал Макарова и хлопал себя ладонью по груди.

– Клянусь богом, так меня еще ни разу не вставляло...

Кашляя, Макаров двинулся дальше. Туда, где раздавались голоса детей.

– Макаров! – он узнал голос Дженни.

– Боже мой!.. – справа – Патрисия.

Люди голосили, как чайки вокруг траулера...

– Успокойтесь! – провозгласил Макаров. – Успокойтесь и не кричите!.. Это всего лишь взрыв. Только взрыв! Не ядерный, слава богу... – последние слова он договаривал уже шепотом.

Через полчаса пыль осела. И рядом с Макаровым на холме, за которым они лежали, стояли серые, словно выбравшиеся из завала, люди.

Долина была завалена обломками авианосца. Три сокрушительных взрыва раскидали их в радиусе полутора километров. До ближайшего из них можно было пройти за десять секунд. Пыль превратила изумрудную долину в унылый пейзаж запустения, очень похожий на тот, который режиссеры используют при съемках фильмов о битвах в далеких мирах или жизни после третьей мировой войны.

– Я должен рассмотреть это поближе, – сказал мужчина со шрамом и легким бегом спустился с холма...

Ветер качнул пальмы – прошелся по верхушкам пальметто фривольным вальсом, и долина шевельнулась... Песок поднялся в воздух и обнажил зелень.

– Пройдет несколько дней, и на этом месте будут лежать только обломки, – услышал Макаров.

К нему подошли Левша и Катя. Ее рука легла на плечо Макарова, и девушка добавила:

– И наши кости.

Макарову ее слова не показались преувеличением или чрезмерным отчаянием. Он, как и все, смотрел на авианосец. Точнее, на то, что от него осталось. Носовая часть корабля отсутствовала. Взрыв разметал плиты трамплина и бортовую обшивку, словно срезав нос ножом. Искалеченная корма завалилась назад и теперь лежала, демонстрируя небу дымящееся сизыми, местами черными клубами нутро. Вокруг вповалку, плашмя, вонзившись в землю, лежало и валялось все, что еще час назад было их надежным укрытием, все, из чего состояло судно.

– Мы живы, это главное.

Сказав это, Макаров повернулся к людям.

– Мы идем к водопаду.

С высоты самой высокой горы Острова они казались замершей, отбившейся от семьи стайкой муравьев. Стайкой, которая заползла на холм, чтобы осмотреться.

– Ему жарко, – вдруг пронеслось в полной тишине.

Все посмотрели на произнесшего это.

Питер сидел на земле, зашнуровывая кроссовку. Отец подошел и положил ему руку на голову.

– О чем ты?

– Гоше жарко. Очень.

Вскинув голову, Макаров посмотрел на стоявшего над ним Левшу. Тот прищурился и подтолкнул Катю к людям, которые уже двинулись на запад – к озеру. Девушка нехотя послушалась. Она оборачивалась до тех пор, пока вместе с толпой не скрылась в джунглях.

– Ты видишь его?

– Да.

– Парень разглядел Гошу, – Левша криво улыбнулся. – А если знать, что видит он только то, что касается его самого, то факт такого бессмертия меня заинтересовал.

Сказав это, он посмотрел на возвращающегося человека со шрамом.

– Вон идет наш Мюнхгаузен. Несет ужин.

Друг Николая поднялся на холм, держа за шеи двух павлинов. От их оперенья не осталось и следа. Без хвостов, на один бок ощипанные, они болтались в его руках как тощие рюкзаки.

– На равнине можно многое собрать для укрытия, – задыхаясь от быстрой ходьбы, сказал он. – А это я решил прихватить с собой.

– Так им и надо, – со злобой выдавил Левша. – Когда эти сволочи орут, мне кажется, что выдирают ржавый гвоздь из доски.

– Надо же было им пролететь над авианосцем именно в такой момент, – усмехнулся мужчина со шрамом.

– Да, этот рейс был обречен.

– И как ты видел Гошу? – Макаров прижимал к лицу остатки рубашки, чтобы унять кровь. Он улегся на спину и возобновил разговор с сыном. – Что он делал?

– Я не знаю. Он был в трубе.

– В трубе... – прошептал Макаров.

– Да, широкой трубе. Там темно и шумно.

– Ну, вы тут выясните, что за труба, – заключил Левша и, прихрамывая, двинулся к джунглям. – Может, имелось в виду – Гоше труба? – крикнул он через плечо.

Закончив с кроссовкой, Питер вскочил и протянул отцу руку. Тот улыбнулся, сжал ее и на мгновение словно выпал из себя.

Вот точно так совсем недавно, не прошло и часа, он сжал руку друга...

* * *

На Гошу снизошло похожее на оупение равнодушие. До падения на него лестницы осталось две или три секунды.

Что толку прятать голову под ступеньку? Ничтожный шанс, просьба о помиловании... Кинетическая энергия падающего куска железа такова, что, даже если она врежется ему в плечо, разорвет пополам. Там, в зоне, был момент, когда он молил о смерти. И несколько раз ноги сами заводили его под падающее дерево. Но всякий раз он был схвачен сильными руками и отброшен в сторону. Теперь этих рук нет. Нет и желания умереть.

Глухое пространство и – невыносимый грохот в нем. Это несоответствие окончательно запутало мысли Гоши, когда он, ослепленный искрами, закрыл глаза.

И тотчас спину его словно окатили ведром кипящей смолы.

Скрежет ворвался ему в уши, мозг словно рассекло молнией. Он дико закричал, не в силах терпеть боль, и на мгновение потерял сознание...

На секунду потерял, не больше, потому что, когда снова нашел себя в шахте, руки его были уже расслаблены, но ноги по-прежнему стояли на арматуре. Лишь тело подалось назад, размякнув.

Гоша вцепился в прут.

Вместе с сознанием вернулась боль. Ему казалось, что с него живьем сняли шкуру.

Что-то горячее и жидкое, но не пот, струями бежало между лопаток, собиралось на поясе и пропитывало трусы и верх брюк.

Ему не хватало воздуха. Первые секунды, когда лестница промчалась мимо, его обожгло окалиной, и теперь лицо было словно посечено стеклом после автоаварии. Пот мгновенно залил раны, и к боли в спине добавилась резь на щеках.

Когда на голову Гоши стала оседать похожая на перхоть пыль, он понял, что нужно торопиться. Сейчас, когда лестница прошла мимо, он едва не захлебнулся от желания жить. Но на него почти с семисотметровой высоты падал шлак. Оставалось только догадываться, сколько его там, наверху. Он медленно оседает, переходит в свободное падение, собирается с окалиной, появившейся позже, и стремится вниз. И Гоша понял, что через несколько минут появится первый приход облака, дышать в котором он не сможет. А еще через пять минут он просто заполнит свои легкие похожей на перхоть массой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.